

12+

Эрнест Пети

**История
герцогов
Бургундских
из Капетингской
династии**

Том 9

Эрнест Пети

**История герцогов Бургундских
из Капетингской династии. Том 9**

«Издательские решения»

Пети Э.

История герцогов Бургундских из Капетингской династии. Том 9 /
Э. Пети — «Издательские решения»,

Девятый том Пети (1905) охватывает 1349–1363 годы: регентство и правление малолетнего Филиппа де Рувра. Описаны кризисное управление в условиях Столетней войны, нашествие «Великих компаний», чума, финансовый хаос, восстания знати Франш-Конте, набеги наёмников и дипломатия. Завершается том смертью Филиппа (1361), прекращением Капетингской линии, аннексией Бургундии короной и назначением в 1363 году Филиппа II Смелого (Валуа) — начало новой эпохи

© Пети Э.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава LVI. Регентство Жанны, графини Булонской И Овернской, затем королевы Франции — 3 апреля 1349 — 5 июня 1353 гг.	9
Глава LVII. — Регентство короля Иоанна Доброго — 5 июня 1353 — июль 1356	22
Глава LVIII. — Битва при Пуатье и ее последствия (июль 1356 — декабрь 1357 гг.)	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

История герцогов Бургундских из Капетингской династии Том 9

Эрнест Пети

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Эрнест Пети, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-9583-3 (т. 9)

ISBN 978-5-0069-3414-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Когда я начал в 1857 году собирать из простого любопытства документы, предназначенные для составления труда, к которому автор был мало подготовлен своими занятиями в Горной школе, признаюсь, я совсем не думал о масштабах, которые примет эта работа, и о количестве томов, которое потребуется для её завершения. За исключением случая продолжительного увлечения, взяться за подобную задачу не следует рекомендовать тем, кто не проходил курсов в Школе хартий, ибо десять лет личного ученичества и труда не могут их заменить.

Таким образом, не без некоторого удовлетворения были выправлены последние корректуры истории бургундских герцогов первой династии, до сих пор столь мало известной. Однако это удовлетворение было не без примеси горечи, ибо я испытывал тягостное чувство, воссоздавая последние моменты той династии, перед которой открывалось неожиданное будущее могущества и величия и все члены которой были унесены менее чем за двенадцать лет самой странной из роковых случайностей.

Документы, относящиеся к той далёкой эпохе, не были самыми многочисленными, и, за исключением грамот, происходящих из аббатств и монастырей, гражданские архивы понесли большие потери. Пожары в Дижоне в 1137 и 1227 годах уничтожили множество документов неопределимой ценности. До 1834 года, то есть до перевода архивов провинции Бургундия в здание старой ратуши, где они были окончательно размещены и сохранены, разграбление и утрата грамот были значительными. Расхищения были даже столь невероятными во время их пребывания во Дворце Штатов или Королевской резиденции, что можно удивляться количеству документов, которые ещё существуют.

Закон от 5 ноября 1790 года предписал централизацию грамот, происходящих из церковных учреждений, и приказы были исполнены летом следующего года, но скольких документов не хватает! Куда девались архивы древнейшего аббатства Бургундии, Мутье-Сен-Жана, основание которого восходило к истокам монархии? Хартийный архив, правда, сильно пострадал во время Религиозных войн, но 12 июня 1791 года одиннадцать бочек и шесть ящиков важнейших грамот были ещё отправлены [1] в депозитарий Дижона, и сегодня находят лишь несколько связок без всякой ценности.

Небезынтересно напомнить основные официальные меры, которые способствовали расчленению, разграблению и законному опустошению наших провинциальных архивов.

5 августа 1792 г. — Праздничные костры на Королевской площади Дижона из грамот о дворянстве, изъятых из Палаты счетов, включая возы пергаментов, приговоров о подтверждении и мешков с судебными делами для проверки дворянства.

10 октября 1792 г. — Отправка в Париж тринадцати ящиков грамот весом в тысячу восемьсот сорок девять фунтов.

20 ноября 1792 г. — Беспорядочная разборка архивов Палаты счетов и отправка в макулатуру бумаг, сочтённых бесполезными.

2 вантоза II года (20 февраля 1794) — Отправка четырнадцати тысяч фунтов пергамента в Тулон для изготовления картузов [патронов].

22 вантоза II года (12 марта 1794) — Отправка тринадцати тысяч четырёрхсот фунтов пергамента в Осонн для той же цели.

С 1793 по 1794 гг. — Восемьдесят тысяч фунтов пергамента были таким образом отправлены в различные местности для изготовления картузов.

28 вантоза II года (18 марта 1794) — Декрет Комитета общественного спасения, приговаривающий к пяти годам в кандалах держателей феодальных грамот.

7 жерминаля II года (27 марта 1794) — Приказ, отданный Бийо-Варенном и Колло д'Эрбуа, изъять пергаменты и грамоты, «могущие оскорблять принципы разума и свободы».

10 апреля 1793 г. — Приказ сжечь на публичной площади Дижона земельные кадастры, реестры и цензивы дворянских фьефов.

Той же даты — Отправка в соседние департаменты двадцати восьми бочек и восемнадцати больших ящиков с грамотами для обмена, который так и не был произведён.

27 брюмера II года (17 ноября 1793) — Приказ сжечь феодальные грамоты, найденные у эмигрантов.

3 нивоза II года (23 декабря 1793) — Граждане Паго и Жарсюэль приказывают пустить под пресс семьдесят тысяч фунтов веса старых бумаг для изготовления белой бумаги и сэкономить старое бельё, предназначенное для изготовления корпии.

7 вандемьера III года (28 сентября 1794) — Три тысячи четыреста восемь мешков с делами, происходящими из канцелярии Парламента и Палаты счетов, передаются военному ведомству и вследствие этого утрачены.

7 плювиоза IV года (27 января 1796) — Приказ министра продать бумаги, признанные бесполезными, что и было сделано без серьёзного выбора или разбора.

1 жерминаля IV года (21 марта 1796) — Продажа шестидесяти шести тысяч шестисот тридцати пяти фунтов бумаг всякого рода.

27 термидора V года (14 августа 1797) — Продажа четырнадцати тысяч девятисот двенадцати фунтов грамот, происходящих из религиозных учреждений.

20 фрюктидора V года (6 сентября 1797) — Отправка по приказу морского министра огромного количества веленя, листы которого должны были иметь тридцать два дюйма в длину и девятнадцать в ширину.

1 плювиоза VI года (21 января 1798) — Шестьсот сорок фунтов веленя отправлены по министерскому приказу.

Среди этих бесчисленных расхищений большинство грамот, касающихся отчуждённых владений, возвращалось приобретателям национальных имуществ, и одно только описание расписок, предоставленных приобретателями, заполняет десять томов.

Мы попытались приблизительно оценить вес этих последовательных изъятий и приходим к общей цифре, превышающей четыреста тысяч фунтов!

Но это ещё не всё. Каким же весом следует оценить архивы, которые во время вторжения, с 22 февраля по 24 марта 1814 года, служили для растопки печек в караульных помещениях иностранной армии? Затем, в 1832 году, ещё до перевода Архивов из Дворца Штатов в их новое помещение, пришлось выбросить на свалку десять повозок грамот, оставленных на чердаках с неисправной кровлей, не считая тех, что стали совершенно негодными из-за затопления водой низких зал и подвалов, куда она просачивалась.

Помимо этих официальных расхищений, следует также указать на кражи и повреждения, следы которых носят многие тома на бумаге, пергаменте или велене. В 1807 году злоумышленники похитили сто одиннадцать картонов с грамотами, коллекцию земельных кадастров и счетов и, главным образом, два чрезвычайно ценных картона с посланиями наших герцогов, королей Франции и их министров.

Несмотря на эти акты вандализма, несмотря на эти многочисленные и невосполнимые потери, архивы департамента Кот-д'Ор всё ещё являются самыми важными из провинциальных архивов и содержат неиспользованные источники, богатства которых мы смогли оценить за десять лет работы в них. Некоторые серии особенно интересны: монастырские архивы, опись которых ещё не составлена, генеральные счета, счета шателений, реестры нотариальных протоколов, начинающиеся с 1310 года, и т. д. Общая история многое могла бы почерпнуть из счетов, количество которых столь значительно, что ни один исследователь не мог предпринять их методичного изучения. Утрата определённого количества регистров восходит к далёкой эпохе; следы некоторых из них находят в анализах, сделанных бенедиктинцами, или в выдержках, включённых в разрозненные бумаги Перара.

Эти серии счетов не одинаково богаты, но следует в первую очередь упомянуть все счета второй половины XIV века и первой трети XV, с помощью которых мы смогли установить день за днём маршруты Филиппа Смелого и Жана Бесстрашного, а также королевские пребывания Жана Доброго, Карла V и Карла VI. Некоторые пробелы в наших «Маршрутах» будут заполнены нашим другом Бернаром Про, генеральным инспектором библиотек и архивов, на основании документов, найденных там и сям в его терпеливых поисках по «Описям движимого имущества бургундских герцогов дома Валуа».

Маршруты Филиппа Доброго и Карла Смелого установить столь же полно нелегко, даже с помощью архивов Лилля, которые содержат более важную серию счетов за этот период.

Эти первостепенные документы были недостаточно подробно проанализированы в описи Палаты счетов, начатой Россиньолем; его продолжатель Гарнье дал более пространные выдержки. Понадобилось бы по меньшей мере двенадцать томов вместо двух или трёх, чтобы дать представление об исторических богатствах этой несравненной серии. Имеется девять или десять тысяч номеров, содержащих более тридцати тысяч счетов, и каждый номер анализируется лишь в нескольких строках. Возьмём, к примеру, №2079, относящийся к регистру герцогской шателенности Эзе. Этот регистр включает два счета Гийома де Кублана (1352—1354), четыре счета Гьо де Жи, шателена (1354—1358), три счета Жана де Ресе, шателена (1358—1361), четыре счета Жана де Кублана (1361—1364), всего тринадцать различных счетов, и указание на них даже не дано в пяти или шести незначительных строках, посвящённых этой статье, которая не сообщает ничего из того, что было бы интересно узнать. Исследователь, желающий ознакомиться с документами, относящимися к той или иной эпохе и недостаточно осведомлённый по описи, не может решиться провести недели и месяцы в поисках, успех которых не кажется гарантированным.

Помимо публичных архивов, невозможно представить себе важность и количество документов, которые всё ещё хранятся в некоторых семьях. Большинство бургундских замков, которые мне доводилось посещать, обладают неизвестными хартийными архивами. Я мог бы назвать несколько, которые весьма значительны и содержат любопытные документы, восходящие к XIII и даже XII веку. Я не буду приводить их список, опасаясь совершить нескромность, на которую не уполномочен. Но можно быть уверенным, что совокупность частных архивов превосходит по количеству, если не по важности, совокупность публичных архивов. Я говорю только о Бургундии и мог бы доказать это утверждение, сколь невероятным оно ни может казаться.

Какую бы услугу оказали историческим исследованиям держатели грамот, если бы они согласились предоставить или позволить составить опись своих документов! Им следовало бы вспомнить эту фразу аббата Лебёфа в письме, которое он писал Бони Лемеро: «сообразно моему принципу, я призываю всех, кто является хранителем рукописей, давать самим или через своих друзей и собратьев всё, что они смогут, не оставляя этого будущим векам...»

Я не закончу этот труд, не поблагодарив всех, кто оказал ему столь тронувший меня приём. Я в том же долгу перед немецкими учёными и иностранными университетами, которые способствовали успеху книги, им не предназначавшейся и первые тома которой, разошедшиеся, не будут переизданы. Указатели начаты, но не могут быть завершены в ближайшее время, учитывая огромное количество собственных имён и названий местностей, которые они должны содержать. Эта долгая и кропотливая работа не может быть выполнена без участия, руководства и исправлений автора.

Глава LVI. Регентство Жанны, графини Булонской И Овернской, затем королевы Франции — 3 апреля 1349 — 5 июня 1353 гг.

Затруднения, созданные опекой над Филиппом де Рувром и управлением его владениями. — Враждебность знати и населения Франш-Конте. — Вступление во владение графством. — Уступки Жанны Булонской. — Беспорядки в отсутствие мужественного и энергичного руководства. — Собрание Парламента в Боне. — Смерть королевы Жанны Бургундской, жены Филиппа VI; Бонны Люксембургской, жены герцога Нормандского. — Брак Жана Доброго с регентшей Жанной Булонской. — Установление вдовьей доли. — Принесение оммажа королю за фьефы герцогства, графства, Артуа, Булони и Оверни. — Принесение оммажей бургундскими вассалами Жану Доброму и Жанне. — Пребывания в Дижоне, Доле, Гра, Сито, Аржийи, Боне. — Уступки и знаки внимания герцога Нормандского по отношению к сеньорам Бургундии. — Смерть Филиппа VI Валуа. — Жан Добрый коронован в Реймсе. — Филипп де Рувр, приведённый Жаном де Шатовиленом, посвящён в рыцари в возрасте четырёх лет. — Что известно о детях Жана Доброго и королевы Жанны Булонской; два или три ребёнка, умерших в младенчестве, в том числе две дочери, Бланш и Катрин. — Частные войны в графстве Бургундия. — Беспорядки в герцогстве. — Многочисленные грамоты о помиловании за проступки и акты частных войн. — Акты королевы-регентши и административные затруднения. — Доменан де Витель, из Труа, назначен генеральным сборщиком. — Смерть папы Климента VI; его преемником на престоле святого Петра домогается король для своего дяди, кардинала Булонского. — Оскудение королевской казны. — Субсидии, запрошенные, но не утверждённые депутатами от трёх сословий. — Недовольство знати и общин. — Депутаты, отправленные к королевским комиссарам. — Волнения в Лангрском диоцезе; Жан д'Иньи, Жирар де Маре, Жан и Тибо де Шофур. — Тревога в Лангре. — Жирар де Тюре, маршал Бургундии, прибывает покарать мятежников. — Отказ королевы Жанны Булонской от опеки и управления провинцией в пользу короля.

Неожиданная смерть Эда IV передавала герцогство в руки ребёнка, которому ещё не было и трёх лет [1] и который наследовал своему деду по праву представления отца, чью трагическую кончину мы описали при осаде Эгийона. Жанна, графиня Булонская и Овернская, мать и опекунша Филиппа, по прозвищу де Рувр, должна была принять на себя управление герцогством, графствами Артуа и Бургундия. Как же молодая женщина могла взвалить на себя ответственность за такое бремя?

Несколько провинций, подвластных её власти, управляемые преданными должностными лицами, не доставили бы ей никаких хлопот. В Оверни, как и в графствах Булонь и Артуа, не возникало бы никаких трудностей. В герцогстве многочисленные чиновники, от которых зависела административная система, были сильно привязаны к своим сюзеренам, а добрый дух бургундского населения не внушал опасений относительно беспорядков. Старинные учреждения, которыми пользовалась наша провинция, удовлетворяли её потребности и делали благоразумие лёгким. Герцогские балы, шатлены, сборщики, ответственные лица всякого рода, действуя в ограниченных округах, обладали над своими подчинёнными властью, которую было бы неблагоразумно не уважать. Если система управления, поддерживаемая нашими герцогами первой династии, представляла определённые неудобства, она имела по меньшей мере то достоинство, что была одной из лучших в ту эпоху.

Эд IV, несмотря на свою энергию, никогда не мог заставить эту систему функционировать в Графстве перед лицом упорного противодействия крупных вассалов и стойкого недоброжелательства населения. Аннексия этой провинции, мечта, преследуемая с упорством герцогами

на протяжении полутора веков, почти превратилась в затруднение с момента её осуществления. Франш-контеская знать, привыкшая к абсолютной независимости, которую палатинские графы не смогли ограничить, имея дело лишь с отдалённой властью, боялась только вмешательства верховного правосудия, которое могло бы посягнуть на её привилегии. Она предпочитала быть под властью имперской земли, нежели земли французской. Все бедствия и вторжения, обрушившиеся на герцогство, являются следствием этого антагонизма между двумя соседними провинциями, жители которых одной расы и одних нравов разделены лишь чисто феодальными границами.

Что более серьёзно, борьба между двумя Бургундиями осложнялась вооружённым соперничеством между Францией и Англией; король Эдуард III был слишком умен, чтобы не использовать это очаг раздоров в свою пользу. Двадцать лет ожесточённых войн, временно приостановленных вмешательством Филиппа VI, самого задетаго отголоском этих враждебных действий, лишь разожгли непримиримую ненависть графств к жителям герцогства, считавшихся наследственными врагами.

Это хорошо видели в 1346 году, при восстании, последовавшем за неожиданной смертью Филиппа Бургундского, наследника герцогской короны, чьего воцарения они опасались. Это увидели вновь, когда разнеслась весть о смерти Эда IV, с которым они так долго враждовали. Тело покойного ещё не было опущено в склепы аббатства Сито, как конфедераты уже собрались и потребовали от регентши прекращения правления, считавшегося угнетательским.

Несмотря на недавний траур, Жанна Булонская отправилась в путь через опустошённые эпидемией земли и прибыла в замок Грэ, чтобы принять присяги и оммажи от своих вассалов от имени своего малолетнего сына. Конфедераты назначили там встречу в среду после дня св. Георгия [29 апреля]; там присутствовали Юг де Вьенн, архиепископ Безансона, Анри, граф Монбельярский, вернувшийся из своего прусского похода, и, в первых рядах, молодой и грозный Жан де Шалон, сеньор д'Арле. Все они привели многочисленные свиты рыцарей и людей оружия, чья осанка скорее напоминала военный поход, нежели собрание вассалов, готовящихся принести оммаж своему сюзерену.

Эта грозная обстановка не обошлась без некоторого удивления и смятения среди должностных лиц герцогского двора, которые не ожидали такого развёртывания сил. Однако Жанна Булонская явилась туда и была вынуждена пойти на уступки баронам, которые не заслуживали такой милости. Роли, казалось, поменялись.

В тот же день молодая женщина пошла на все их требования и приложила к этому акту соглашения свою большую печать, «чтобы избежать ссор и распрей, которые могли бы возникнуть». В графстве более не будут принуждать принимать другую монету, кроме монеты «этьенан» или всякой иной равной стоимости. Было провозглашено сохранение всех вольностей, городских прав и старинных привилегий. Каждый сеньор, суверенный на своей земле, будет защищён от «коммандиз» [принудительного размещения войск] и будет иметь право наследования бастардов; герцоги откажутся от права задерживать евреев или ломбардцев, дававших деньги в рост, и т. д.

Эти уступчивые меры позволили Жанне Булонской пробыть достаточно долго в Грэ, где чума ещё не произвела столь сильных опустошений, как в других местностях. Упомянутые сеньоры заключили с ней там же 1 июня новое соглашение относительно наследования бастардов [2], а четыре дня спустя регентша от имени своего сына договорилась с Жаном де Шалон-Арле относительно преобразований, которые необходимо было внести в управление соляными копиями Салена [3]. Филипп Валуа, опасаясь для себя последствий союза англичан с конфедератами, предоставлял последним денежные преимущества, которых они были мало достойны, и выдавал пенсии из королевской казны Тибо де Нёфшателью и Жану де Шалон-Арле.

Эти уступки и чрезмерные поправки, от которых выигрывали некоторые бароны, не разоряжали других и даже вызвали их недовольство. Глубокий антагонизм населения граф-

ства против жителей герцогства от этого ничуть не уменьшался и мог стать источником постоянных хлопот. Положение, кроме того, осложнялось самим фактом несовершеннолетия юного герцога и отсутствия мужественного и энергичного руководства.

Потрясения, столь часто отмеченные в других местах, когда слабеющая власть оставляла сеньорам свободное поле для того, чтобы самим вершить правосудие и управляться по своему усмотрению, могли иметь здесь серьёзные неудобства.

Эти возможности не замедлили возникнуть. Граф Гогенбергский, владелец земли Бельфор, который оспаривал права в наследстве Гуго Бургундского, прадеда его жены, совершал набеги на герцогские земли [4]. Жан Стокар из Базеля во главе немецких войск пытался взять Монжюстен. Рено де Бар поджигал различные деревни и проникал до Фондремана. Жан де Рини похитил двух мэров Клерваля. Граф Осерский отвергал принесённый ему оммаж за замки Монне и Монривель и вступал в союз с дофином Вьеннским [5]. Тибо де Нёфшатель захватил замок Монби и предал смерти в темнице Гийома, сеньора этого владения, виновного в том, что поддерживал герцога Эда во время предыдущей войны; этот буйный персонаж также серьёзно ранил Жана де Коркондре, декана Безансона, которого он упрекал в той же вероломности и которого держал в тюрьме в колодках; за это дело интердикт был даже наложен на город и диоцез Безансона [6].

В Лангрском диоцезе волнения были не меньшими, и епископ Гийом де Пуатье уступил Эду, сеньору де Грансе, своё владение Кюзе в увеличение фьефа, вследствие трудностей, которые он испытывал в защите имуществ своей церкви [7]. Некоторые сеньоры доходили до дерзости захватывать герцогских должностных лиц, как Юар де Мандр, который завладел дижонским прево и Ришаром де Вере, подсудным герцогству [8]. Поведение Жана Бургундского, графа, не внушало больше доверия; пришлось поставить чужих сержантов в Шатийон-ле-Безансон, «из-за того, что не осмеливались полностью доверять тем, кто был из этой земли, из-за опасения, как бы они не переметнулись на сторону Жана Бургундского» [9]. Жирар де Монфокон, сменивший сеньора де Ре на посту хранителя графства, вступил во владение замком Ше, «из-за опасений относительно монсеньора Анри де Фалкене» [10]. Сеньоры де Вьенн и де Верден имели серьёзные разногласия, за которыми последовала частная война, в которую были вынуждены вмешаться должностные лица герцогского двора [11].

Множественность беспорядков в разных и удалённых местностях затрудняла их подавление и создавало управлению регентши бесчисленные затруднения. Тщетно Парламент на своём собрании в Боне пытался этому помочь. Это собрание проводило свои заседания в день св. Мартина зимнего (11 ноября) и два следующих дня под председательством Жана Обрию, епископа Шалон-сюр-Сон; главные персонажи, там присутствовавшие, не смогли принять эффективных мер [12].

Подобное положение вещей не могло долго продолжаться, и эпидемия со своими ужасными опустошениями была фактором, который мог принести много изменений. Бонна Люксембургская, жена Жана Доброго, герцога Нормандского, скончалась 11 сентября 1349 года. Королева Жанна Бургундская, временно укрывшаяся в Монтаржи [13], не смогла избежать эпидемии после некоторых перемещений; она умерла 12 декабря 1349 года, была погребена 17-го в Сен-Дени, в то время как её сердце было отправлено в аббатство Сито [14].

Месяц спустя [15] Филипп Валуа вступал во второй брак с Бланш Наваррской, дочерью Филиппа д'Эврё, короля Наварры, и Жанны Французской. Эта молодая особа, замечательной красоты и прозванная Прекрасная Мудрость, была, по-видимому, предназначена герцогу Нормандскому после смерти Бонны Люксембургской; но отец предпочёл сохранить для себя столь редкое сокровище, хотя его хранение подходило скорее мужчине тридцати лет, нежели королю «старому и дряхлому», хотя ему ещё не было и пятидесяти семи лет. Утверждали, не без правдоподобия, что Жан Добрый испытал некоторую досаду от этой неудачи, однако он стерпел обиду и последовал мудрым советам советников и самого короля, которые по политическим

мотивам желали видеть наследника престола вступившим в союз с вдовой Филиппа Бургундского, его двоюродного брата, чьё богатое наследство и прекрасные провинции могли, в случае чего, вернуться короне.

Жан Добрый без колебаний принял этот последний вариант и, как только бракосочетание его отца завершилось, отправился в Бургундию, куда прибыл в конце этого месяца. 31 января 1350 года он присоединился к регентше Жанне Булонской, предупреждённой о его прибытии и ожидавшей его в Лери, вдали от окружения герцогского двора и сопровождаемой лишь самыми доверенными приближёнными. Принятие матримониальных предложений не могло вызывать сомнений, и понятно, что эта молодая вдова двадцати двух лет, имевшая на попечении двоих детей, бремя и трудное управление столь различными провинциями, не могла упустить представлявшуюся возможность выйти из затруднений.

В тот же день их первой встречи герцог Нормандский объявил, что опека над герцогством принадлежит Жанне, графине Булонской и Овернской, по праву её детей, хотя эта опека ещё не была ей официально передана; он объявил, что между ними брак «был заключён настоящими словами, хотя этот брак ещё не был торжественно скреплён перед лицом святой церкви», но что права невесты будут полностью гарантированы в случае, если она переживёт жениха [16]. Вторым отдельным актом Жан Добрый устанавливал приданое и вдовью долю Жанны Булонской и назначал ей двенадцать тысяч парижских ливров, положенных на шателенства Турнан, Жизор, Пон-де-л'Арш, Вернон и т. д. Если бы ему досталась корона Франции и в случае, если бы он умер раньше королевы, вдовья доля была бы увеличена до двадцати тысяч ливров ренты [17].

Оба тотчас отправились в Иль-де-Франс, куда прибыли несколькими днями позже. Во вторник 9 февраля они скрепили свой союз в капелле Сен-Жам, близ Сен-Жермен-ан-Ле, «и празднество состоялось в городе, называемом Мюрио, близ Моолена» [18]. Этот праздник прошёл без больших расходов и пышности, как и у короля месяцем ранее, ибо журналы казны не отмечают никаких особых трат по случаю этих двух церемоний; оскудение королевской казны не позволяло никакой расточительности, и все семьи, более или менее затронутые эпидемией, были в трауре.

Достоверно, что Филипп Валуа не присутствовал на бракосочетании своего сына, но что молодожёны явились 12-го в Венсен и что герцог Нормандский принёс королю обязательный оммаж, причитавшийся за различные земли, происходившие от герцогини, его жены, «недавно обручённой» [19]. Жанна Булонская, двоюродная сестра и дважды «кума» Жана Доброго, не могла быть обвенчана без разрешения святого престола, и, согласно Фруассару, папа Климент VI предоставил это разрешение, но вероятно, учитывая быстроту, с которой совершился этот брак, папские буллы не могли предшествовать церемонии.

После двухнедельного пребывания вблизи двора супруги задумали вернуться в Бургундию. 26 февраля Жан Добрый написал бальи герцогства и графства, чтобы они торжественно огласили в своих округах приказ, адресованный всем вассалам, явиться в Шатийон-сюр-Сен на следующий день после Quasimodo [первого воскресенья после Пасхи], чтобы принести клятву верности и оммаж [20]. Но эта первая повестка была отменена, и в дату 18 марта новое предписание откладывало этот призыв до Вознесения. Дворяне, «в доспехах и на конях, каждый согласно своему званию», должны были явиться в назначенный срок, и даже раньше, если их потребуют. Эти отсрочки были, возможно, вызваны опустошениями от эпидемии, ибо Аньес, дочь Жана Доброго и его первой жены Бонны Люксембургской, была поражена мором и скончалась в первые дни апреля [21].

Этот новый траур в королевской семье не остановил путешествия в Бургундию. Жан Добрый отправил вперёд Удара д'Этоля, одного из своих метрдотелей, чтобы подготовить его приём; он также послал вперёд своих охотников Гийома Пулена, рыцаря, Юга де Ванта, Пеньоля и Робера де Монтедур, которые должны были сговориться с Абраамом и Гийомом

Майяром, охотниками герцогства, чтобы охотиться в лесах Мезе и снабжать двор [22]. У него были и другие причины торопить свой отъезд, ибо, создав знать графства в Доле на 17 апреля [23], он стремился не нарушить своего слова и не задеть щепетильную подозрительность франш-контескской аристократии, чьи чувства были ему известны. Во время своего пребывания в Дижоне с 12 по 15-е он устроил «празднество» [24] по политическим соображениям, которое, однако, должно было быть несколько омрачено бедствиями эпидемии. Он поклялся уважать привилегии Дижона и Таланта, скрепил несколько подтверждений прежних дарений, признаний прав, соглашений между различными сеньорами и сам принёс оммаж Жану Обрию, епископу Шалона, за фьеф, который он держал от его церкви.

Из Дижона Жан Добрый направился в Рувр и явился на назначенное в Доле свидание, рассчитывая разместиться в знаменитом дворце, построенном Фридрихом Барбароссой, некогда обитаемом императорами, но давно заброшенном. Лишь некоторые из франш-контескских феодалов явились туда. В ожидании прибытия остальных герцог Нормандский отправился на следующий день в Грэ, принял там оммажи от различных вассалов, обнародовал ордонансы в Сито, в Аржийи и объехал часть края, прежде чем обосноваться в Доле, где пробыл около десяти дней [25]. Граф Осерский, сеньоры де Шалон-Арле, Нёфшатель, Фоконе, Монфокон, Сент-Круа, Бовуар, Виллесексель, Ружмон, Грансон, Рю, Раон, Узле, Ла-Рош-сюр-л'Оньон, Рулан явились; Жан де Шалон-Арле, выехавший из своего замка Лорм, имел с собой лишь свиту в двести тридцать коней.

Решив завоевать благосклонность всех этих гордых баронов, герцог Нормандский проявил полную приветливость и учтивость. Он обещал исправить обиды, которые мог нанести его предшественник, поклялся уважать древние феодальные вольности, сохранить изгнание евреев и ломбардцев и выбрать с их участием в совете должностных лиц, призванных управлять провинцией. Дабы лучше засвидетельствовать свою добрую волю, он с их участием издал полицейский ордонанс, упоминание о котором есть, но текст которого до нас не дошёл. Жирар де Монфокон, брат графа Монбельярского, сменивший Готье, сеньора де Ре, на посту хранителя графства, был вновь наделён этой высокой функцией. Пенсии, предоставленные Филиппом Валуа некоторым конфедератам, были подтверждены. Жалобы Людовика, графа Нёфшателя в Швейцарии, мужа Жанны де Монфокон, относительно ренты в четыреста ливров, которая была у него отнята герцогом Эдом IV, были удовлетворены, и она была ему возвращена [26]. Сам Жан де Шалон-Арле получил пенсию в четыреста ливров, взимаемую с рынков Дижона, независимо от той, что он получал из королевской казны [27].

Франш-контескские сеньоры не остались нечувствительны к этим уступкам и хорошим приёмам, и все принесли клятвы верности и оммажи, дав обещания верности, которых большинство из них не сдержали. Жан де Шалон-Арле, тронутый свидетельствами благосклонности Жана Доброго и его уступчивым настроением, поспешил последовать за ним и сопровождать его в Дижон, где 7 мая скрепил признательность за щедроты, которыми был осыпан [28].

Герцог и герцогиня Нормандские провели остаток мая в Дижоне, в Боне [29] и окрестностях, чтобы принять оммаж от своих вассалов. Булла, присланная им из папской курии [30], откладывала до дня Всех Святых действие отлучения, которое всё ещё тяготело над герцогом Бургундским относительно монеты Осонна. Этот интердикт, некогда наложенный на Эда IV архиепископом Безансона, сохранялся на протяжении всего правления Филиппа де Рувра и был снят лишь при Филиппе Смелом; но постоянно возобновлявшиеся отсрочки сводили на нет действие этих приговоров.

Герцог Нормандский покинул Бургундию лишь в июне и, проезжая через Монбар, где его присутствие засвидетельствовано 4 числа этого месяца [31], вернулся в Иль-де-Франс. Важные события должны были там его задержать. Филипп Валуа, после того как объехал различные местности, чтобы избежать эпидемии, обосновался в Ножан-ле-Руа, где заболел и умер 22 августа 1350 года.

Эта неожиданная смерть давала Жану Доброму корону Франции и возлагала на него обязательства и заботы, которые должны были временно удалить его от нашей провинции. Он был коронован в Реймсе вместе с Жанной Булонской 26 сентября. По приказу королевы юного герцога туда доставили под руководством Жана, сеньора де Шатовилена и д'Арк-ан-Барруа, в сопровождении многочисленной свиты [32]. Там также заметили храброго Жоффруа де Шарни, временно отпущенного под честное слово, но не освобождённого из тюрьмы после дела в Кале и его неудачной попытки захватить этот город [33], Жана де Шалона, графа Осерского, великого кравчего Франции, и его кузена Жана де Шалон-Арле, сеньоров де Вьенн и т. д.

Среди рыцарей, созданных королём по случаю его коронации, следует назвать Филиппа де Рувра, едва достигшего четырёх лет. Можно было бы усомниться в столь ненормальном факте и посвящении в рыцари ребёнка, если бы не были предоставлены несомненные доказательства, но поборы, взимавшиеся по этому случаю с наших провинций, не оставляют никакого сомнения; даже в Оверни талья, собранная по случаю этого рыцарства, взималась в три срока [34]. Это необычное производство имело благотворным результатом обеспечение некоторыми средствами давно истощённой казны. На следующий день после своего вступления на престол король Жан, желая начать своё правление кампанией, которая бы стёрла память о бедствиях предыдущего царствования, созвал главных баронов Франции, чтобы они были готовы явиться по его зову «когда потребуется» [35].

Девять месяцев спустя после своего замужества королева Жанна Булонская должна была разрешиться от бремени около середины ноября 1350 года в Шатонеф-сюр-Луар, ибо празднество по случаю её церковного очищения состоялось в четверг 2 декабря [36]. Мы уже отмечали в этом местечке в 1343 году те же церемонии по случаю родов Бонны Люксембургской, первой жены Жана Доброго. Король прибыл в конце ноября в Шатонеф и присутствовал на этом очищении [37], прежде чем предпринять путешествие в Авиньон. Вероятно, крещение новорождённого было отпраздновано в этом собрании, и что ребёнок, который был девочкой по имени Бланш, был поднят от купели вдовствующей королевой Бланш Наваррской, свекровью Жанны Булонской, свекровью, которая была на пять лет моложе своей невестки.

В начале 1352 года королева должна была родить вторую дочь, ту, что без сомнения называли Катрин, чьё слабое сложение внушало опасения матери, ибо по её приказу Гийом Корделье, сержант сборщика Дижона, предложил от её имени «восковую голову весом в десять фунтов и один флорин» приорату Сен-Тибо-ан-Осуа, за что Этьен де Мезон-Комт, приор этого монастыря, выдал расписку 29 марта [38]. Подношения такого рода, столь частые в ту эпоху, не оставляют сомнения относительно их назначения, и вес воска всегда соответствовал весу больного, за которого возносили молитвы об исцелении.

Мы полагаем, что Жанна Булонская родила ещё в 1353 году в Монсель-ле-Пон-Сент-Максанс, где она пребывала несколько месяцев, ибо в апреле в эту местность отправлялись различные припасы для празднества, которое, без сомнения, было празднеством очищения, и в особенности двадцать пять кабанов и шесть оленей, выданных Пьеру де Вернёй, конюшему по кухне, Адамом де Кокерелем, метрдотелем королевы [39]. Хрупкое сложение этих детей, несомненно, внушало опасения, ибо на этот раз королева приказом от Монселя от 17 апреля распорядилась выдать двенадцать флоринов с гербом тому же Гийому Корделье, чтобы отнести от её имени три восковые головы в различные монастыри, знаменитые своими паломничествами, Сен-Лазар в Отёне, Сен-Тибо-ан-Осуа и Сен-Лазар в Аваллоне [40]. Не по подобной ли причине королева отправила в этом месяце в Авиньон своего духовника Жана Жермена, декана и впоследствии епископа Осерского, дабы получить благословение и благотворную ответственность молитв папы [41]?

Это всё, что мы можем сказать о детях Жана Доброго и его второй жены, ибо генеральные счета герцогства за этот период более не существуют. Имена двух дочерей, Бланш и Катрин, указаны у Бализа [42] по Парадену, который, возможно, видел ныне утраченные документы.

Мы не знаем даты кончины этих детей, умерших в младенчестве и вероятно незадолго до июня 1353 года [43].

Заинтересованная учтивость Жана Доброго по отношению к конфедератам-графтам поддерживала в течение этого периода хорошее согласие с ними. Жан де Шалон-Арле, самый обласканный из всех, был особенно пленён свободой удовлетворять свою страсть к охоте и возможности охотиться в лесах герцогства: У него был дом в Плонбьере близ Дижона, и он содержал там соколов и сокольников, охотников, пажей, лошадей и пятьдесят собак [44]. Также видели, как он с готовностью являлся на королевские созовы, шёл во главе франш-контескской знати против англичан и присутствовал при осаде Сен-Жан-д'Анжели [45].

Когда перемирия между Францией и Англией временно приостанавливали деятельность этого воинственного дворянства, франш-контеская знать пользовалась этим, чтобы разрешать семейные ссоры, и эти не менее страшные распри делили всех баронов края. Граф Монбельярский и его сын были вооружены против сеньоров де Нёфшатель. Граф Осерский оспаривал наследства у Гийома, графа Намюрского, и его дочерей. Апанаж Маргариты Фландрской опустошался безансонцами. Грозный Тибо де Нёфшатель, сменивший Жирара де Монфокона, скончавшегося в начале 1353 года, на посту хранителя Графства, сам был в борьбе с вассалами, и действия этого странного администратора не способствовали восстановлению спокойствия в провинции, которой ему надлежало управлять [46].

В герцогстве длительное отсутствие Жанны Булонской дало повод к некоторым беспорядкам, и недостаток авторитета у лиц, призванных руководить должностными лицами, не мог этому помочь. В начале регентства Робер, граф де Руси, исполнял функции губернатора; он был заменён в этой должности 13 декабря 1351 года [47] Оливье де Лаем, сеньором де Солоржон, мастером прошений королевского двора.

В течение этого первого периода сеньоры были слишком склонны сами вершить правосудие и совершать преступления, в которые королевская власть была вынуждена вмешиваться, и более того вынуждена проявлять снисходительность, предоставляя бесчисленные грамоты о помиловании: помилование Жану и Анри де Содону, которые увели пленником в Империю Жана де Рабютена, потому что он отказывался выплатить сумму за брак своей тётки [48]; помилование Рено де Бару, сеньору де Пьерфит, за излишества и ущерб, причинённые его людьми в войне против Гийома де Вержи, сеньора де Мирбо [49]; помилование Анри де Рувре, который под предлогом частной войны похитил оруженосца папы и переправил его за пределы королевства [50]; помилование Милю д'Аржантёй, в Тоннеруа, за похищение Жана д'Аржи и других сеньоров, которые вели с ним частную войну [51]; помилование Пьеру Гастеллено из Дижона, который поджёг деревню Труо [52]; помилование Жоффруа, служащему Жана де Шалона, графа Осерского, убившего сержанта Доммартена [53]; помилование Жану де Понтайе, рыцарю, изгнанному из королевства и чьи имущества были конфискованы после убийства, совершённого над Гийомом д'Арк-сюр-Тий [54]; помилование Юару де Рош, рыцарю, который, поместив свои драгоценности на сохранение в Сито, вёл войну против монахов и посадил в тюрьму Гийома де Шодене, племянника аббата [55]; помилование Гийому де Сент-Амуру и его сообщникам, которые похитили Робера де Серена, секретаря короля, при его возвращении из Рима [56]; помилование Югу де Монтуа, рыцарю, за избиение королевских должностных лиц, призванных вести против него процесс, и доставку Жиля де Мармо в тюрьмы Империи [57]; помилование Жаку де Балеуа, оруженосцу и другим, которые совершали набеги на земли Шатовилена и уводили пленниками людей этой шателенности [58]; помилование Жану, сеньору де Сен-Тривье и де Бранж, долгое время воевавшему с Жаном де Фролуа, сеньором де Молино, и завладевавшему его сыном Жоффруа и его замком Берзе [59]; помилование Жану де Герши, оруженосцу, который нанёс своему кузену Гийому д'Арш удар ножом, от которого тот умер [60].

Нам не приходится проследивать весь перечень этих преступлений, приводимых в наших документах; можно лишь констатировать крайнюю снисходительность королевской власти к вассалам, чьи услуги были незаменимы в борьбе против Англии. Разве бургундское дворянство не дало достаточно доказательств своей бесстрашности и доблести, чтобы Жан Добрый имел величайший интерес падать его. Жоффруа де Шарни, столь известный своими подвигами, всегда направлялся на самые опасные посты, во Фландрию, Пикардию, Артуа, где можно было скрестить шпаги и где были трудные положения для защиты [61]; храбрый Жан де Вьенн, которого слишком часто смешивали с его племянником, адмиралом того же имени, стяжал своей доблестью при осаде Кале народную славу и умер в 1351 году на службе Франции. Тома де Вудене, которого мы часто будем встречать в других местах и в особенности среди пленных при Пуатье, был тогда лейтенантом маршалов Франции и совершал объезды в Пикардии [62]. Жан де Нуайе, граф Жуаньи, воевал в Котантене [63]. Все бароны провинции выполнили свой долг и откликнулись на королевские призывы выступить против врага.

Если лица, назначенные регентшей управлять делами, не обладали достаточным авторитетом для подавления беспорядков, следует признать, что финансовое управление едва ли было лучше организовано и оставляло желать много лучшего. Вспомним, что при Эде IV один из видных генеральных сборщиков Жан Буржуа по доносу своих завистников был обвинён в злоупотреблениях, приговорён к штрафу в тридцать тысяч флоринов и брошен в суровую тюрьму, где вскоре умер. Королева, найдя чрезмерным осуждение этого слуги, чья вина не была достаточно доказана, распорядилась вернуть его наследникам часть конфискованных имуществ, что впоследствии было подтверждено Жаном Добрым [64]. Генеральный сборщик Гьо де Жи, служивший регентше после Жана Буржуа, судя по поспешности, с которой его заменили, не кажется очень сведущим в счётном деле [65]. Человек, особенно рекомендованный для занятия этих важных должностей, Доменан де Витель, проживавший в Труа, получил своё назначение 25 июня 1352 года [66]; но так как он обременён семьёй и ему предлагали лишь сто франков годового жалования вместо двухсот, выдававшихся некогда Жану Буржуа, он не принял, и реестры герцогских финансов продолжали плохо вестись. В сентябре того же года [67] королева предложила ему более выгодное жалованье, учитывая, что он был вынужден переезжать из Труа в Дижон со всем своим хозяйством [68]; но так как ему надлежало соблюдать свои интересы в Шампани, он не смог немедленно явиться на свой пост, несмотря на сделанные ему настояния, и начал исполнять свои функции лишь на праздник Всех Святых. С этого времени и до 1364 года сохранилась серия его отлично составленных счетов [69], и нам слишком часто придётся их цитировать, чтобы не сказать несколько слов об их авторе; ибо эти счета, составлявшиеся день за днём, подлинные исторические документы, предоставляют самую безупречную хронологию и составляют самую удивительную и самую неизвестную из хроник.

Смерть папы Климента VI, последовавшая 6 декабря 1352 года [70], и назначение его преемника, которого конклав поспешил избрать, помешали королю повлиять на выборы и провести своего кандидата. Историки недостаточно отмечали крайнее желание Жана Доброго, мечту, постоянно лелеемую, но так и не осуществлённую, — видеть своего дядю, кардинала Булонского, столь преданного его особе и интересам, на престоле святого Петра, как доказывают ещё шаги, которые он предпринял десять лет спустя без большого успеха. На сей раз новый избранник Иннокентий VI проявил ловкость, заставив забыть эту неудачу, поручив кардиналу Булонскому примирить короля Жана с Эдуардом III, которому удалось добиться нескольких перемирий за неимением окончательного мира. Перемирие, заключённое 10 марта 1353 года, приостановило военные действия до следующего августа и было затем продлено на два года.

Борьба с Англией иссушила во Франции все источники доходов; королевская казна была пуста. Жан Добрый, надеясь найти субсидии в провинции Бургундии, ещё не опустошённой воюющими армиями, решил потребовать с жителей герцогства налог в шесть денье с ливра. Эта

необычная просьба, не утверждённая Тремя сословиями, переданная лишь через должностных лиц и прокуроров, вызвала повсюду сильное недовольство. Дворянство и общины встревожились и собрались 2 мая 1352 года, чтобы дать полномочия тем, кому надлежало явиться перед королевской комиссией [71]. Семь избранных уполномоченных представили замечания своих доверителей, укрываясь за старинными привилегиями провинции, и дали по поводу предполагаемого налога уклончивые ответы, равносильные отказу. Мы увидим позднее, какое давление было оказано на депутатов Трёх сословий, чтобы получить столь необходимые финансовые средства. На этот раз пришлось довольствоваться обычными взносами, предоставляемыми общинами [72], и общими поступлениями от баляжей и превотажей, дававших довольно значительную сумму [73].

За пределами герцогства, где совершалось столь много правонарушений и преступлений, должностных лиц герцогского двора часто вызывали в Лангрский диоцез, сильно волнуемый буйными сеньорами. Пользуясь повсеместным беспорядком, Жан д'Иньи и его сообщники опустошали земли лангрского капитула и чинили насилия над канониками. По соглашению, заключённому в 1352 году перед Жаном Обрио, епископом Шалона, аббатом Сент-Этьенна в Дижоне и другими, Жан д'Иньи был вынужден принести торжественное извинение и в качестве возмещения ущерба передать свою землю Шассиньи [74]. Затем, в июле, этот злоумышленник под предлогом задержания Жирара де Маре, укрывшегося в Лангре и с которым он воевал, сговорился со своими кузенами Жаном и Тибо де Шофур [75], Жаном д'Ангилевеном, Милем д'Аше, Анбером де Баром и несколькими сеньорами, имена которых вновь появятся позднее при печальных обстоятельствах. Воспользовавшись вооружённым отрядом примерно в двести человек, они ворвались в город средь бела дня, в воскресенье Марии Магдалины, в обеденное время, с боевым кличем: «Англия! Англия! Город взят!». Лангрцы, крайне удивлённые этой неожиданной атакой, тотчас вооружились камнями и всем, что попало под руку; завязался серьёзный бой, в котором с обеих сторон были ранены; несколько нападавших были схвачены, остальные искали спасения в бегстве, и в конечном счёте победа осталась за осаждёнными [76].

Дело наделало много шума и стало известно на следующий день в Дижоне. Жирар де Тюре, маршал Бургундии, мобилизовал сотню арбалетчиков и восемьдесят хорошо экипированных людей, «дабы покарать и наказать злоумышленников, которые вошли в названный город Лангр силой оружия и совершили там различные преступления» [77]. Одни полагали, что эта стычка была вызвана раздорами, царившими среди духовенства; другие возлагали ответственность на капитул, поскольку один из каноников открыл одни из городских ворот. Большинство винило в соучастии прелата Гийома де Пуатье, который был вызван в суд в Большой совет и без труда оправдался. Что же до Жана д'Иньи, нарушившего привилегии коммуны, король даровал ему милость, которой он едва ли заслуживал, несмотря на свои извинения и клятвы [78].

Королева Жанна Булонская, огорчённая этими непрерывными беспорядками, которых её управление не могло предотвратить, удручённая, главным образом, потерей своих детей от второго брака, о которых не находим более никаких указаний с июня 1353 года, приняла решение на некоторое время удалиться в аббатство Мобюиссон [79], оставив опеку и управление провинцией в руках короля, который будет иметь больше власти, чтобы справиться с положением, таившим немалую опасность.

Примечания:

[1] Филипп де Рувр родился в конце августа или начале сентября 1346 года; на момент смерти Эда IV (3 апреля 1349 года) ему было, следовательно, два с половиной года.

[2] Архив Ду, В. 55.

[3] Гре, 4 июня 1349 г.; Архив Ду, В. 201.

[4] Лишь в 1352 году граф Гогенбергский отказался от своих притязаний перед администраторами герцогства (Архив Ду, В. 20²).

[5] Наступательный и оборонительный договор между Карлом Французским, дофином Вьеннским, и Жаном де Шалон-Осером, Лион, 1319 г. (Архив Ду, В. 41).

[6] Этот интердикт был снят только в августе 1350 года, после освобождения декана, благодаря посредничеству Жирара де Монфокона, хранителя графства, и Эда де Ла Рош, сеньора де Шатийон-ан-Монтань.

[7] 29 июля 1349 г.; Национальный Архив, JJ 70, №53.

[8] Решение короля Филиппа Валуа, Меревиль, близ Сен-Дени, 21 февраля 1350 г.; Национальный Архив, JJ. 78, №63, л. 32.

[9] Архив Ду, В. 128.

[10] Архив Ду, В. 340.

[11] Счета шателении Бон, в 1351 г.; Архив Кот-д'Ор, В. 3140, л. 11 об.

[12] Счета шателении Бон, Архив Кот-д'Ор, В. 3139, л. 8. — Эд де Ла Рош, сеньор де Шатийон-ан-Монтань, присутствовал в течение трех дней, пока длился Парламент (Собрание Пенседе, т. XXIII, стр. 78).

[13] В июне 1349 г.; Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. XXIII, л. 18.

[14] Большие французские хроники, т. V, стр. 490; Ж. Виар, Журнал Сокровищницы, №3955.

[15] Второй брак Филиппа Валуа состоялся не 29 января 1350 года, как говорит «Искусство проверки дат», а 11 числа того же месяца (Большие хроники, т. V, стр. 490).

[16] Лери, 31 января; Дом Планше, т. II, пр. 287.

[17] Балюз, Дом Оверни, т. II, стр. 192—193. Этот акт был позже ратифицирован Иоанном Добрым в Париже 13 декабря 1352 года.

[18] Большие хроники, т. VI, стр. 492. Сен-Жам (Сен-э-Уаз), коммуна Фёшроль, кантон Марли, округ Версаль. Ле Мюро (Сен-э-Уаз), кантон Мёлан.

[19] Подлинник, Архив Нора, В. 821; Архив Кот-д'Ор, Собрание Пенседе, т. II, стр. 580 и т. VII, стр. 56.

[20] Собрание Пенседе, т. II, стр. 514.

[21] Виар, Журнал Сокровищницы, стр. 845, прим.

[22] Счета Рено Персенье из Кюссины, шателена Вилье-ле-Дюк и Мезе, Архив Кот-д'Ор, В. 6596.

[23] Архив Ду, В. 1711; счета Жана, по прозвищу Персеваль, казначея графства.

[24] Архив Кот-д'Ор, В. 1397. Расходы на этот праздник еще не были оплачены в 1353 году, когда генеральным сборщиком был Диманш де Витель.

[25] Иоанн Добрый был в Гре in die Dominica qua cantatur jubilate, то есть в третье воскресенье после Пасхи, 18 апреля, а не 13 мая, как говорит Эд. Клерк, «Очерк истории Франш-Конте», т. II, стр. 98. Он был в Доле в конце апреля и в первых числах мая.

[26] Доль, апрель 1350 г.; Национальный Архив, JJ, 79, №60 — Относительно этих Нёвшателей в Швейцарии или на озере, так часто смешиваемых с Нёфшатель-сюр-ле-Ду, см. Тюффер, «История графов Монбельяра», стр. 142, 166, 175 и Эме Шеро, «Архипресвитер», стр. 115—116.

[27] Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. 41, л. 143.

[28] Архив Кот-д'Ор, Пенседе, т. I, стр. 545 и Коллекция Бургундии, т. 94, л. 842, полностью.

[29] Счета Гильома де Ресе, бальи Дижонэ, 1349—1350 гг., дают подробности расходов «на содержание дома госпожи Нормандской» в Боне; Архив Кот-д'Ор, В. 3140, л. 20, об.

[30] 20 мая 1350 г.; Собрание Пенседе, т. II, стр. 398.

[31] Национальный Архив, Коллекция Бургундии, т. 23, л. 18.

[32] Счета Симона де Понтобера, бальи Осуа; Архив Кот-д'Ор, В. 2745. — Расходы Жана де Шатовилена и его людей на коронацию короля, по распоряжению королевы (Пенседе, т. XXIII, стр. 61).

[33] Национальная библиотека, Портфель Декампа, т. 83, л. 551. — Выкуп Жоффруа де Шарни еще не был выплачен; он был выплачен Пьером де Драшем, сержантом по оружию короля, в июне 1351 г. (Национальная библиотека, Коллекция Клерамбо, т. 41, №3109).

[34] Эти три срока: Успение Богородицы 1352 года, канун Пасхи 1353 года и день св. Иоанна Крестителя 1353 года (Балюз, Дом Оверни, т. I, стр. 136 и т. II, пр. стр. 771.)

[35] См. список этих сеньоров, созданных 23 августа 1350 года, у Кервина де Леттенхове, Фруассар, т. 21, стр. 306 и след., согласно Портфелям Декампа.

[36] Жан де Бонеста, хранитель винных погребов королевы, отправляет по этому случаю вина из Бона. Также встречаются и другие упоминания: «расходы на содержание дома королевы в четверг после праздника святого Андрея на содержание дома моей упомянутой госпожи в Шатонеф-сюр-Луар» (счета шателении Бон; Архив Кот-д'Ор, В. 3140, л. 21, об.)

[37] См. наши «Местопребывания Иоанна II». Король был 30 ноября в Шатонеф-сюр-Луар и, вероятно, покинул его только 6-го. Мы находим его 8-го в Десизе на пути в Вильнёв-лез-Авиньон. Королева совершила свой первый въезд в Вернон 24 февраля 1351 года и даровала прощение Пьеру Жоффруа де Салиньи по случаю частной войны (Национальный Архив, JJ, 81, №297).

[38] Архив Кот-д'Ор, В. 11.664, документ, скрепленный печатью Этьена де Мезон-Комт, на чьей печати изображены три башни.

[39] Собрание Пенседе, т. XXIII, стр. 63.

[40] Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. XXIII, л. 47.

[41] Архив Кот-д'Ор, В. 1394 и Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. XXIV, л. 67. Имеется квитанция, скрепленная печатью Жана Жермена, клерка и советника королевы, декана Осерского, на чьей печати изображен крест с фигурами по углам (Собрание Пенседе, т. II, стр. 711).

[42] Балюз, Дом Оверни, т. V, стр. 133.

[43] К этим несколько туманным указаниям можно добавить более убедительные, касающиеся родов королевы. В инвентаре некоторых герцогских резиденций упоминаются детские колыбели. В счетах Монбара за 1373 год, В. 5310, читаем: «позолоченная колыбель, на которой изображены гербы королевы Булонской» (Бернар Про, «Инвентари движимого имущества герцогов Бургундских», №1739). В инвентаре Вильен упоминается предмет, атрибуция которого более спорна: «1 деревянная колыбель, расписанная изображениями гербов Франции и Бургундии» (Там же, №738.)

[44] Инвентарь титулов Шалонов. Счета Лорма и Вито.

[45] Франш-контийцы, сопровождавшие его в различных походах в 1351 году: Тибо де Нёфшатель, Анри де Вьенн, Жирар де Монфокон, Жан де Вержи-Фуван, Филипп и Жан де Вьенн, сеньоры де Грансон, де Виллерсексель и др. (См. Дюно, т. II, стр. 240—241). В предыдущем году, в августе 1350 года, Жан де Шатон-Арле также явился по королевскому вызову вместе с графами Осерра, сеньорами де Грансе, де Нуайе, де Божё, Сомбернона, Кая, Шатонефа и другими крупными вассалами герцогства (См. портфель Декампа, т. 83, л. 518).

[46] Мы не можем вдаваться в подробности всех этих частных войн. См. Эд. Клерк, «Очерк истории Франш-Конте», т. II, стр. 100 и след.

[47] Собрание Пенседе, т. II, стр. 558.

[48] 20 июля 1350 г.; Национальный Архив, JJ, 78, №104.

[49] 27 октября 1350 г.; Национальный Архив, JJ, 80, №94.

[50] 30 марта 1351 г.; Национальный Архив, JJ, 80, №360.

[51] Март 1351 г.; Национальный Архив, JJ, 80, №658 и JJ, 81, №709; см. также Регистры Парламента; коллекция Ленена, т. IV, л. 12. — Миль д'Аржантёй был помилован при условии службы в Гаскони в компании маршала д'Одреема.

[52] Апрель 1351 г.; Национальный Архив, JJ, 80, №364.

[53] Апрель 1351 г.; Национальный Архив, JJ., 80, №359.

[54] 29 августа 1351 г.; Национальный Архив, JJ, 81, №917 и JJ, 81, №328.

[55] 15 мая 1352 г., Национальный Архив, JJ, 80, №264.

[56] 13 апреля 1353 г., Национальный Архив, JJ, 81, №137.

[57] 28 февраля 1354 г.; Национальный Архив, JJ, 82, №113.

[58] 11 августа 1354 г.; Национальный Архив, JJ, 82, №504.

[59] Август 1354 г.; Национальный Архив, JJ, 82, №253. Эти преступления были совершены в 1351 году; потребовался поход, чтобы захватить сеньора де Сен-Тривье, а его сообщник Гишар де Берзе был отвезен в тюрьму в замок Вержи (счета Отенуа, Гильома де Блезе, В. 2278).

[60] Август 1355 г.; Национальный Архив, JJ, 84, №202.

[61] Февраль 1352 г.; коллекция Клерамбо, т. XXIX, №2133; подлинник в Кабинете титулов, т. 683; 20 ноября 1352 г.; Национальный Архив, JJ, 81, №548; 2 февраля 1353 г.; Национальный Архив, JJ, 82, №27.

[62] 28 мая 1352 г.; коллекция Клерамбо, т. V, стр. 203; другая от 25 июля 1352 г.; там же, т. LIV, №4137.

[63] Национальная библиотека, кабинет титулов, подлинник на слово «Нуайе», 13 сентября 1352 г.

[64] Февраль 1351 г.; Национальный Архив, JJ, 80, №257.

[65] Гийо де Жи часто упоминается с 1350 по 1352 год, но его счета не сохранились. В качестве компенсации после назначения Диманша де Вителя ему дали должность шателена Эзе, Вилье-ле-Дюк и Мезе.

[66] Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. XXIII, стр. 153.

[67] 12 и 14 сентября 1352 г., Пенседе, т. II, стр. 516 и Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. 23, л. 153.

[68] Помимо жалования, Вителю обещали двенадцать бочонков вина из погребов Шенёва, один муид пшеницы, двенадцать возов сена и двенадцать фунтов воска ежегодно.

[69] Архив Кот-д'Ор, В. 1394 — В. 1416.

[70] См. Э. Депре, «Похороны Климента VI и Иннокентия IV», для точной даты смерти Климента VI.

[71] На этом собрании от имени духовенства присутствовали аббаты Сен-Бениня, Сен-Этьена в Дижоне, Сен-Сена, Оньи и каноники Отена. Среди знати фигурировали Гильом де Вержи, сеньор де Мирбо, Гильом де Грансе, сеньор де Ларре, Анри д'Аллинии, Жан де Вержи, сенешаль Бургундии, От, сеньор де Грансон, и другие. Городские общины были представлены Ришаром де Курселем, мэром Дижона, Ги Лороттом, мэром Бона, Югом Доне, мэром Семюра, Гильомом Брансьоном, мэром Монбара, и прево Шатильона, Шалона и Отена. Семь делегатов, назначенных ими: Робер де Грансе, сеньор де Мёрсо, Жеоффруа де Блезе, сеньор де Мавийи, Этьен де Мюзиньи, Ансо де Дем, каноник Лангра, Симон де Понтобер, Жан Розье из Дижона и Жан Фурнье из Семюра (Собрание Пенседе, т. XVII, стр. 10). Стоит отметить, что Парламент Бона не собирался в этом году в обычный срок зимнего дня св. Мартина: «Жалование Парламента Бона, ничего, так как он не собирался в день св. Мартина 1352 года» (Счета Диманша де Вителя, Архив Кот-д'Ор, В. 1394, л. 56).

[72] 19 марта 1353 года Диманш де Витель был назначен губернатором Оливье де Лайе для сбора марки с Дижона (Коллекция Бургундии, т. XXIII, л. 153). Согласно этому сборщику (Архив Кот-д'Ор, В. 1394), жители платили пропорционально своему состоянию. Тот, у кого

было 600 ливров и более, платил две марки серебра; тот, у кого было 500, платил сто су, и на двадцать су меньше за каждую сотню ливров; наименее облагаемые платили двенадцать денье. Никто не освобождался, кроме мэра, и только в год исполнения им своих обязанностей.

[73] Общий доход 1353 года по герцогству и графству составил 32 541 ливр 21 денье оболь, сто две марки три унции один стерлинг серебра, девять тысяч девятьсот тридцать один флорин двенадцать эю Филиппа, тысяча семьсот тридцать девять эю Жана и девять двадцати девяти грошей (счета Вителя, Архив Кот-д'Ор, В. 1394).

[74] См. Жолибуа, «Верхняя Марна», стр. 113.

[75] О преступлениях Тибо де Шоффюра см.: Розеро, «Каталог королевских актов, хранящихся в архивах Верхней Марны», №110, 127, 133; о Жане де Шоффуре, его брате, там же, №118, 122, 127, 133, 134, 136. См. также: Бергэн, «Дом Божё-сюр-Сон», 1-я часть, стр. 119 и след.

[76] Жолибуа, «Верхняя Марна», стр. 305; Миньере, «Очерк истории Лангра», стр. 134 и след.

[77] Счета Диманша де Вителя, 1352—1353 гг., Архив Кот-д'Ор, В. 5394, л. 46.

[78] Этот интересный акт, датированный Парижем февраля 1353 (1354) года, находился в архивах Лангра, пачка 11, и сгорел во время пожара, уничтожившего архивы города. Я сожалею, что сделал только его анализ, а не полную копию.

[79] Согласно общим счетам Диманша де Вителя, Архив Кот-д'Ор, В. 1394, королева проживала в Мобюиссоне с июня по октябрь 1353 года.

Глава LVII. — Регентство короля Иоанна Доброго — 5 июня 1353 — июль 1356

Принятие Иоанном Добрым опеки и управления Бургундией. — Оливье де Лэ, губернатор герцогства. — Пьер д'Оржемон реорганизует службы и назначает чиновников. — Меры предосторожности в графстве Бургундия. — Заинтересованные уступки, щедрости и любезности Иоанна Доброго по отношению к франш-контезской аристократии. — Бесперывные изменения монетной системы; невероятные злоупотребления. — Недовольство и ропот населения против такого режима. — Длинная серия репрессий и приговоров за неуважение к власти. — Основы проекта брака между Филиппом де Ровром и Маргаритой Фландрской. — Переговоры кардинала Ги де Булонь, двоюродного деда герцога; его пребывание в Бургундии. — Разрыв планировавшегося брака между Амадеем, графом Савойи, и Жанной Бургундской, сестрой герцога. — Отказ графа Савойи от этого проекта взамен денежной компенсации. — Возвращение Жанны Бургундской, доставленной из Шамбери в Макон, и поручение ее Готье де Шатильону, великому хлебодару королевы. — Возобновление военных действий с Англией. — Феодалы, вызываемые и отзывающиеся; смотры в Шатильоне-на-Сене. — Протест депутатов от трех сословий против налога на соль и новых субсидий. — Раздражение короля Иоанна Доброго. — Опала губернатора Оливье де Лэ, замененного Жаном де Нуайе, графом Жуаньи. — Созыв членов Генеральных штатов после их избрания в бальяжах; собрания в Париже, Сансе, Боне, Дижоне. — Неудача этих созывов. — Депутация, отправленная к королю, с просьбой об отказе от проекта введения налога в размере двенадцати денье с ливра. — Приказ вооружить мужчин от восемнадцати до шестидесяти лет. — Постоянное неповиновение франш-контезцев. — Попытка Жана де Фоконе захватить юного герцога в замке Ровр. — Преобразование, предписанное Иоанном Добрым, уголовных приговоров в гражданские штрафы, — Последствия этой прибыльной для казны меры. — Чрезвычайно высокие суммы некоторых денежных штрафов за малейшие проступки; многочисленные примеры. — Различные упоминания, зафиксированные в счетах, касающиеся нравов и своеобразных обычаев. — Срочные строительные и ремонтные работы в герцогских резиденциях.

5 июня 1353 года Иоанн Добрый известил судейских и счетных чиновников обеих Бургундий о своем вступлении в управление и опеку над юным герцогом Филиппом де Ровром [1]. Пять дней спустя он официально поручил своему советнику Пьеру д'Оржемону отправиться в эти провинции, предоставив ему полномочия управлять и назначать от его имени чиновников, ответственных за сбор финансов; ибо короля особенно заботило изыскание ресурсов в стране, которая, казалось, не была расположена предоставлять их много, и где возникли беспорядки, с которыми было благоразумно покончить. Уже было нелегко получить обычные налоги, поскольку в некоторых местностях, как, например, в Боне, требовалось шестнадцать человек для сопровождения сержантов, когда те шли взимать талью [2]. Всем счетным чиновникам было приказано вносить деньги от их сборов только казначеям Парижа «под страхом быть сочтенными мятежниками» [3].

Оливье де Лэ вновь получил свою комиссию губернатора герцогства, Тибо де Нёфшатель — хранителя графства; другие высшие должностные лица, маршал, канцлер, генеральный сборщик и т. д., сохранили свои посты.

В первую неделю июля королевский комиссар Пьер д'Оржемон реорганизовал всю административную службу герцогства, собрав в Дижоне бальи, прево и счетных чиновников, и почти без исключений восстановил в их должностях прежних обладателей.

Подобное же собрание было назначено для людей графства на 5 число того же месяца в Доле, но здесь дело представляло больше трудностей, ибо королевский комиссар взял с собой

вооруженный отряд, который мог внушать мысль как о военном походе, так и о принятии владения: «Расходы господина Жана де Сен-Сен, рыцаря, Гийома и Жоффруа де Монтиньи, Тома де Ванту, Люге де Монжюстена и Жана Плюво, всех оруженосцев, Гийо де Жи и Жана де Бонне, всех в доспехах, на четырнадцати лошадях, господина аббата Сент-Этьена в Дижоне, на шести лошадях, сборщика Б. на двух лошадях, отправлявшихся из Дижона в Доль с господином Пьером д'Оржемоном, советником короля и его комиссаром в Б., для принятия управления страной, оставленного королевой, и для восстановления должностных лиц в их должностях от имени короля, каковых людей оружия означенный господин Пьер взял с собой из-за опасений в стране, и означенный аббат потому, что он знал страну и был знаком с людьми и чиновниками этой страны, и пробыл там означенный аббат один день, а означенные люди оружия два с половиной дня, начиная с четверга, четвертого дня июня 1353 года, в каковом месте Доль означенный господин Пьер повелел собраться всем чиновникам графства Б. для дела означенного управления, к пятому дню июня, каковые там и были, и он восстановил их в их должностях от имени короля, а затем они вернулись в Дижон» [4].

Эти предосторожности не были бесполезны при волнениях, проявленных в графстве, и беспорядках, возникших в Безансоне, где горожане «принимали в своем городе многих разбойников и злодеев, которые незаконно грабили и захватывали [добро] в герцогстве и графстве Бургундия» [5].

Принимая на себя опеку, первой мыслью Иоанна Доброго было доставить мраморные и алебастровые камни, предназначенные для возведения мавзолея его отца и матери, памятника, который, судя по неопубликованным деталям, которые мы привели, должен был быть значительным. Именно для исполнения этой заботы и для активизации рвения своего губернатора Оливье де Лэ он пожаловал ему, помимо его содержания, сумму в пятьсот ливров [6]. Вообще, это было в характере короля — осыпать дружбой и милостями людей, чье содействие и влияние казались ему необходимыми. Желая завоевать всеобщую привязанность, он льстил всем классам общества уступками и благодеяниями. Многочисленные грамоты о помиловании, пожалованные тем или иным в течение этого периода и за преступления, заслуживавшие самых суровых наказаний, доказывают его желание привязать к себе эту буйную аристократию, чья поддержка была для него необходима.

Собрание парламента, которое должно было состояться на день Святого Мартина 1353 года, было отложено до 9 декабря. Возможно, ожидали прибытия кардинала Булонского, двоюродного деда юного герцога и члена его семейного совета, который чаще всего присутствовал на этих собраниях и был задержан в другом месте иными обязанностями. Сессия этого парламента длилась всего два дня [7]. На ней были приняты репрессивные меры против узурпаций, совершенных в провинции во время управления королевы, ибо вскоре после этого Иоанн Добрый сделал заявление, подтверждавшее, что эти узурпации не должны наносить ущерб герцогу и что последний вернется в полное владение своими имуществами по окончании опеки [8].

Вопрос, который также, вероятно, обсуждался, касался монет, чьи непрерывные изменения вызывали столь большое потрясение в торговле и делах. Иоанн Добрый воспользовался возобновлением опеки, чтобы начать чеканку в Дижоне монеты со своим гербом, и намеревался продолжать эту операцию до конца этой опеки, как он заявляет в обязательстве, что не желает наносить ущерб прерогативам герцога и его преемников, провозглашая, что осуществление этой чеканки не составляет права для короля Франции [9].

Ордонансы, изменявшие курс монет, были столь многочисленны, а порча была такова в течение этого периода, что турецкий ливр подвергся невероятному падению и опустился до десятой части своей стоимости! Столь чрезмерные злоупотребления властью были достаточны, чтобы настроить население против тех, кто их совершает, и не стоит удивляться, если в герцогстве и особенно в графстве отворачивались от такого режима. Отсюда проклятия в адрес короля, герцога, оскорбления сержантов и чиновников и даже насильственные действия, за

которыми последовало значительное число приговоров и денежных штрафов против тех, кто проявил неуважение к власти. Герцогское правосудие было беспощадным и дорого заставляло платить за любой приступ дурного настроения и даже за неосторожное слово; небезынтересно будет прочесть некоторые весьма любопытные приговоры [10].

Королева Жанна Булонская, все еще удрученная смертью своих детей от второго брака, испытывала усиление нежности и беспокойства за тех, кто остался от ее первого союза, и делала все возможное, чтобы обеспечить их будущее. По ее настоятельным просьбам Иоанн Добрый согласился положить конец затруднениям, которых он не разделял, и предоставил ей полномочия утвердить основы планировавшегося брака между Филиппом де Ровром, восьмилетним, и наследницей четырех лет, Маргаритой Фландрской, дочерью Людовика, прозванного де Маль, графа Фландрии, и Маргариты Брабантской. Этот проект был составлен в Венсене 6 августа 1354 года [11].

Кардинал Ги де Булонь, дядя и член семейного совета герцога, по-видимому, оказывал королеве поддержку своими советами и принимал участие в переговорах по этому делу. В этом году он совершил несколько поездок и довольно продолжительных пребываний в Бургундии в сопровождении Филиппа де Ровра, чьи хлебодары Гюг де Монжэ и Этьен де Мюзиньи готовили переезды и несли расходы; эти два последних лица имели тогда высокую миссию при герцогском дворе, будучи назначенными и утвержденными королем для воспитания юного принца в его малолетстве [12]. С июля по сентябрь кардинал объехал провинцию и останавливался в замках Виллен, Эзе, Монбар, Мезе, Бон, Аржии «где полагали, что кардинал приедет в воскресенье после [праздника] Богоматери в сентябре», но он прибыл только в воскресенье 21 числа того же месяца с Жоффруа де Блезе [13].

Ги де Булонь, без сомнения, занимался переговорами, которые велись относительно разрыва брака Жанны Бургундской, сестры Филиппа де Ровра, с Аме, графом Савойи. Этот брак, чисто формальный, был торжественно заключен в Монреале-ан-Осуа 8 июня 1348 года, но не имел продолжения, поскольку супруги к этой дате еще не достигли возраста половой зрелости. Невеста, согласно обычаю, была передана ко двору Савойи, где ее приняли с большими почестями, и она имела свою главную резиденцию в Шамбери [14], но ее хрупкое сложение и слабость здоровья, вызывавшие беспокойство у королевы-матери, не позволяли надеяться, что она сможет в ближайшее время вступить в брак. По различным и легко угадываемым причинам, Иоанн Добрый думал так же. Его окружение, в присутствии двух детей, Жанны и Филиппа, которые могли умереть без наследников, опасалось возможности, которая была бы тому следствием, и боялось увидеть, как Бургундия уйдет из владения короны, чтобы перейти в дом Савойи. Граф Аме, со своей стороны, не будучи в состоянии рассчитывать на реализацию такого брака, соглашался на его аннулирование взамен денежной компенсации.

В 1354 году, вследствие борьбы между графом Савойи и Карлом, сыном короля и дофином Вьеннским, начатые переговоры привели к решению этого дела. Условия изложены в договоре, переговоры по которому, начатые в Шамбери и Сен-Мартен-ле-Шателе, были ратифицированы в Париже Иоанном Добрым в ноябре этого года [15]. Это важное соглашение, включавшее обмен доменами, устанавливало границы каждого из феодалов. Дофин уступал графу Савойи землю Фо-сени и зависимые территории, феодалы графа Женевского, замки Жекс, Мирибель, Монтлюэль, Вийар, Сен-Морис-д'Отон, Сен-Кристоф, Гордан и т. д., взамен ворот Турнона, Вуарона, Шабона, Кот-Сен-Андре и всех прав, зависящих от Вьенны.

Самая важная статья этого договора, и единственная, которая нас здесь интересует, предусматривала возврат Жанны Бургундской королю или королеве, которые могли выдать ее замуж по своему усмотрению и за кого им будет угодно, за исключением дофина. Взамен своего отказа граф Савойи должен был получить через месяц сумму в сорок тысяч золотых флоринов [16].

Эти соглашения были возобновлены в Париже 5 января 1355 года под печатью короля Иоанна, с одобрением Аме, главного заинтересованного лица, которому, кроме того, передавали дом в Париже, ранее принадлежавший королю Богемии [17]. В соответствии с этими договоренностями, Готье де Шатильон, сеньор де Ла-Ферте, великий хлебодар королевы, получил приказ отправиться принять принцессу, чтобы вернуть ее матери [18]. Жанна Бургундская, сопровождаемая эскортом во главе с Ансельмом, аббатом Сен-Рамбера, проехала через Понд'Эн, Сен-Мартен-ле-Шатель, Баже, была поручена заботам уполномоченного короля и передана в его руки в Сен-Лоране де Маконе. Именно из этого места Готье де Шатильон отчитался о своей миссии 18 апреля 1355 года [19].

Переговоры, относящиеся к этому делу, длились шесть месяцев и велись, когда парламент в Боне проводил свои заседания. В этом году было две сессии, одна на день Святого Николая, другая в понедельник и вторник после дня Святого Андрея [20].

Предварительные мирные соглашения, подписанные между Францией и Англией, остались без завершения, и в 1355 году готовились к возобновлению большой войны. В мае месяце бальи и феодалы Бургундии получили от губернатора Оливье де Лэ и его наместника Гийома де Ресе королевский вызов, который предписывал им явиться в Бове в воскресенье после Пятидесятницы, 31 мая; затем другой приказ повелевал им прибыть в этот город в день Святого Иоанна, 24 июня [21], и, наконец, три недели спустя после дня Святого Иоанна [22].

То ли бароны не ответили сразу на эти призывы, то ли первые вызовы были отменены, новые письма были направлены Жирару де Тюре, маршалу Бургундии, и рыцарям-баннеретам провинции, чтобы собрать их 10 июля в Шатильоне-на-Сене [23]. Частота и несогласованность этих созывов, должно быть, вызвали недовольство феодалов и нанесли ущерб хорошему исполнению этих приказов [24]. Во всяком случае, скудость королевской казны не позволяла долго содержать значительные силы, ибо субсидии, собранные Иоанном Добрым в наименее пострадавших регионах, были истощены.

Дух фракционности, разжигаемый интригами короля Наварры, беспорядок в финансах, злоупотребления при изменениях монетной системы, дискредитация власти и отчуждение общественного мнения делали положение трудным, а создание ресурсов еще более трудным. Налог на войну, проголосованный штатами Ланг д'ойль 2 декабря 1355 года, установление налога на соль, сбор пошлины в размере восьми денье с ливра на продажи, которые должны были выплачиваться всеми лицами, клириками или мирянами, дворянами или не дворянами, были совершенно недостаточны в сложившихся обстоятельствах.

Не принимая во внимание сопротивление, которого он мог опасаться в Бургундии, от населения, ревнивого к своим правам и привилегиям, Иоанн Добрый решил применить к этой провинции режим, навязанный и принятый в других местах. Соответственно, он приказал созвать собрание Генеральных штатов в Шатильоне и назначил его на среду 13 января 1356 года [25]. Гийом де Мелен, архиепископ Санса, и Роберт, граф де Руси, отправились туда, изложили насущные нужды государства и необходимость ввести налог на соль и другие налоги, как они были одобрены Штатами Ланг д'ойль. Собрание, по-видимому, не было многочисленным, и присутствовавшие члены, вероятно, воспользовались этим, чтобы отложить ответ, который не должен был быть удовлетворительным. Вероятно также, что депутаты, получившие приказ, не без опасения отнеслись к тому, что их созывают в Шатильон, вместо того чтобы заседать в городе Дижоне, чей дух независимости опасалась власть.

15 января [26] губернатор Оливье де Лэ написал не только сеньорам герцогства, но и графства, аббатам и лицам, имевшим право заседать в Штатах, чтобы назначить им новую встречу в Дижоне на октаву Сретения. Сама королева не пренебрегла личными шагами и действиями в каждом бальяже чиновников, способных повлиять на избрание депутатов, назначенных в их округе, а затем отправленных на общее собрание [27]. Несмотря на эти знаки внимания, решение членов собрания в Дижоне было принято заранее, их ответ не вызывал

сомнений. Итак, на заседании 9 февраля они заявили, что в герцогстве нельзя ничего менять и вводить обременительные права, доселе неизвестные. На следующий же день [28] губернатор передал королю и канцлеру Франции решение Трех сословий и их отказ проголосовать за любые новые сборы.

Сильно раздраженный этим сопротивлением, Иоанн Добрый без труда нашел жертву для своего негодования: несчастный губернатор Оливье де Лэ был грубо отрешен от своих обязанностей; ему, без сомнения, ставили в вину то, что он был чужим в провинции, и особенно то, что у него не было ни ловкости, ни энергии, чтобы добиться проведения воли короля. Назначение его преемника не заставило себя ждать. Выбранный бургундец, Жан де Нуайе, граф Жуаньи, принадлежал к семье, издавна преданной интересам наших герцогов; он был назначен 28 февраля с жалованьем в тысячу ливров и вступил в свою должность 27 числа следующего месяца; но он не должен был иметь больше влияния на решения Трех сословий, чем его предшественник.

Чтобы более эффективно направлять обсуждения собрания, решили собрать членов в Париже, в присутствии Иоанна Доброго, 15 марта, «чтобы выслушать то, что король и его совет пожелают потребовать для ведения войн» [29]. Ни один акт не сообщает нам, что было решено, и даже состоялось ли собрание. Обратное кажется вероятным, поскольку депутаты были вновь созваны в Санс в четверг перед Пасхой, 21 апреля [30]. Это собрание не дало лучшего результата, несмотря на рвение королевских чиновников, и особенно прокурора Жана Розье, который активно работал над принятием проектов короны [31]. Было объявлено о другом собрании в Боне, на дату, которую мы не можем точно указать, и, наконец, губернатор велел объявить, что собрание состоится в Дижоне в воскресенье после дня Магдалины, 24 июля [32]. У нас нет никаких документов о решениях, последовавших за этими последовательными и неоднократными отсрочками, ибо не было интереса сохранять бумаги, которые подчиняли волю короля правам и привилегиям провинции. Достоверно лишь то, что депутаты упорно отвергали нововведения в налогах, которых требовали.

От идеи налога на соль и непопулярных налогов на мелкую торговлю и простой народ отказались, и возник проект потребовать налог в размере двенадцати денье с ливра на продажи, который не должен был встретить лучшего приема; по этому поводу велись переговоры, заслуживающие внимания. Три сословия, опасаясь в высшей степени возбудить недовольство государя и желая избежать всякого конфликта в результате новых требований с его стороны, решили послать к нему посольство в Париж, чтобы просить об эмансипации юного герцога и молить его отказаться от налога в двенадцать денье с ливра, который провинция была решительно не намерена одобрять. Именно в результате этих шагов, предпринятых уполномоченными собрания, включавшими сиров де Грансона, де Сен-Жоржа, де Лонви, де Куш, д'Эпуасс и нескольких других, было решено заключить брак *per verba* Филиппа де Ровра и был одобрен «налог на свадьбу» [33]; это было все, чего удалось добиться в тот момент.

Иоанн Добрый, не надеясь более преодолеть сопротивление Штатов и вынужденный обстоятельствами требовать от провинции ресурсов, в которых он больше всего нуждался, велел созвать бан и арьер-бан феодального ополчения. Королевский приказ, направленный губернатором всем бальям, предписывал вооружить всех мужчин от восемнадцати до шестидесяти лет и составить точный список, который должен быть представлен в руки короля [34]. Согласно тем же предписаниям, граф де Жуаньи приказал провести расследование в различных бальяжах, чтобы выяснить характер оружия, которым могли располагать бойцы [35].

Мы не видим, чтобы эти приказы были опубликованы в графстве Бургундия, где частные войны сеяли опустошение в сельской местности и где царил крайний беспорядок. Бароны вновь восстали против королевской власти, и своеобразный хранитель этой провинции, Тибо де Нёфшатель, все еще принимавший это звание в 1356 году, по-видимому, не прилагал больших усилий, чтобы положить конец такому положению. Было ли это причиной того, что импе-

ратор Карл IV считал необходимым назначить туда в качестве викария Генриха, графа Монбельяра [36]?

Мало того, что некоторые сеньоры Франш-Конте совершали набеги на земли герцогства, один из них задумал дерзкий план — в отсутствие серьезной власти захватить особу юного герцога Филиппа де Ровра, увезти его пленником и вырвать из-под влияния тех, кто управлял от его имени. Этим безрассудным и буйным бароном был не кто иной, как Тибо де Фоконе, о нескольких подвигах которого мы уже знаем и который в предыдущем году пытался похитить в Лонжюре графиню де Бар, Иоланду Фландрскую, проезжавшую через Бургундию [37]. Бдительность бальи герцогства сорвала предприятие, которое, однако, получило начало исполнения. В январе 1356 года, во время созыва Штатов в Шатильоне, Тибо де Фоконе отправился в Лотарингию, «чтобы собрать большое количество людей оружия для набега на герцогство» [38]. Предупрежденный об этих приготовлениях, губернатор Жан де Нуайе поручил Гийому дю Пайи собрать сведения об этих вооружениях и следить за этими действиями; шателены Понтайе, Осонна, Вердена, Шалона, Сажи, Кюизри, Бразе, а также мэр Бона были предупреждены о необходимости привести в готовность людей своих шателений. Эти предосторожности не помешали попытке Тибо де Фоконе, который выступил одной ночью из деревни Эклан, близ Доля, в сопровождении «большой компании людей оружия», многие из которых везли «лестницы, веревки, артиллерию и другие снаряды». Они появились перед Ровром, которым не смогли овладеть, но угнали в шателении «множество лошадей, крупного и мелкого скота и другую добычу» [39]. Юный герцог, которому устроили зимние квартиры в Монбаре, был вне их досягаемости, и экспедиция не достигла своей цели.

Порча и изменение монет не могли дать значительных ресурсов; с другой стороны, в данный момент нельзя было и думать о введении налога на соль или любого другого нового налога; советники Иоанна Доброго придумали превращать «уголовные преступления в гражданские штрафы», то есть все приговоры за преступления, как и простые проступки, карались денежными штрафами, иногда значительными и чаще всего непропорциональными тяжести провинностей. Особые инструкции в этом смысле были даны бальи, шателенам и чиновникам, ответственным за отправление правосудия в их округах, и сумма этих штрафов дала серьезный источник доходов. Мера даже сочлась настолько выгодной, что было решено распространить ее, и 14 марта 1356 года Иоанн Добрый, обращаясь к прелатам, Пьеру д'Оржемону, Гийому Флоту, Жоффруа де Шарни и всем своим советникам, приказал им осуществлять преобразование уголовных преступлений в гражданские штрафы [40].

Этот ордонанс был весьма прибыльным, и в этом отношении изучение счетов того времени поучительно. Сумма штрафа всегда превышает тяжесть проступков. Мы уже приводили примеры, в частности, дамы Иоланды, вышедшей замуж за Жана Юмбера из Шатонефа, которая за простое женское слово, несмотря на смягчающие обстоятельства, была приговорена к уплате ста золотых мутонов стоимостью в сто тридцать пять флоринов. Небезынтересно привести несколько других: Гийом де Жюлли, рыцарь, за случаи грабежа облагается штрафом в пятьсот флоринов, не считая расходов на следствие [41]. — Леклерк из Сен-Андре, укравший лошадей приора де Валькрессана, приговорен к уплате ста франков стоимостью в сто двадцать флоринов [42]. — Филибер де Тронсуа, оруженосец, обвиненный в соучастии в убийстве, что не могло быть доказано, заплатил шестьдесят флоринов [43]. — Гийо из Мармо заплатил десять флоринов за кражу хлеба «из грубой муки, принимая во внимание, что времена были дорогие, и что он сделал это скорее от голода, чем из воровства» [44]. — Тардиф из Винь приговорен к уплате двадцати флоринов за то, что выпил вино кюре Гийона «и унес из дома означенного кюре скатерть для игры в тавли» [45]. — Жоффруа дю Боше, рыцарь, заплатил шестьдесят флоринов за то, что ночью похитил Жаннету, жену Перрено Будена из Монреаля. Означенная Жаннета не кажется нам достойной внимания, ибо чуть далее мы видим, что она вновь похищена Жаном де Гранж, «который взял ее и держал долгое время у себя, против

воли ее мужа, и не хотел ее возвращать»; на этот раз похититель заплатил всего десять флоринов, «принимая во внимание, что он был клириком» [46]. — Жан ле Бо платит пятнадцать экю за кражу, которую не удалось доказать [47]. — Гийом де Марсийи, «который во время своего помешательства и как лунатик» украл вино и другие припасы, облагается штрафом в восемь экю [48]. — Робер де Байе, оруженосец, сеньор части Марсийи-лез-Аваллон, платит шесть флоринов за то, что похоронил одного из своих людей в Венере, вне своей юрисдикции [49]. — Удо де Рюэр платит восемь экю, потому что его люди пахали в Оксерруа, несмотря на запрет покидать страну [50]. — Жан де Шатонеф, рыцарь, приговорен к уплате пятидесяти экю за то, что похитил и изнасиловал Жаннету, жену покойного Удо Берту, и избил ее мать [51]. — Жители Ампии облагаются штрафом в три экю за организацию братства без разрешения [52]. — Перрене Дрие платит двадцать экю за то, что ударил Жана дю Буа, мэра улицы Шомон в Шатильоне-на-Сене [53]. — Жан Варден из Ванве приговорен к уплате десяти экю за то, что лишь сказал, что Маса, прокурор короля, дал ему дурной совет [54]. — Жан де Кюйе, оруженосец, преследуется в судебном порядке, потому что хромоногая из Шаранси, одна из его сервов, утверждала, «что она была изнасилована означенным оруженосцем»; виновность не могла быть доказана, несмотря на следствие, но поскольку обвиняемый, «вызванный криком на заседаниях и вызовах в Бенье», не ответил на повестку и не явился перед судьями, те воспользовались этим предлогом, чтобы объявить, что жалобщица отныне будет сервом герцога, и заставить оруженосца заплатить штраф в десять экю, причитающихся не женщине, а герцогу [55]. — Перренетта из Верьера платит два экю за то, что назвала «шлюхой» женщину, с которой судилась; другая женщина платит всего четыре флорина за то, что обратилась с тем же оскорбительным словом к своей соседке [56]. — «Гюг, сын Дюрана Шеню из Монто, за то, что предпринял изнасилование девки господина Жана Трубль-Феста, капеллана кюре из Винь, принимая во внимание, что это была общедоступная девка, и что это не могло быть должным образом доказано... семь с половиной флоринов» [57].

Встречаются упоминания о штрафах, иногда чрезмерных, за самые незначительные проступки: десять флоринов за продажу четырех локтей сукна, которые не совсем соответствовали мере [58]; шесть флоринов за кражу деревянного гребня стоимостью в три денье; четыре экю за «обрывок веревки, который хорошо стоил три су» [59]. — С другой стороны, чиновники снисходительны друг к другу, и если один из них совершил бесчестье, «устроив встречу Беренгеры с сорока товарищами и выбросив ее из своего дома», это стоит ему штрафа всего в четыре флорина [60].

Нам нет необходимости следовать за бесконечной серией этих приговоров, столь прикрасных для герцогской казны, но в счетах можно также отметить различные упоминания, которые не должны быть утеряны: прибытие в Бон Маргариты Французской, графини Фландрской, во время проектов брака ее внучки Маргариты с юным герцогом, которой предшествовал Гийом дю Пэн, казначей Карла, герцога Нормандского [61]; — подарки ланей, оленей, сделанные папе, членам совета, кардиналу Булонскому, аббату Ключи и т. д.; — первое появление в Бургундии Жана де Бобиньи, клерка короля, и Жана Клабара, секретаря королевы, ответственных за проверку счетов [62]; — проезд Марии Испанской, графини Алансонской, вдовы в первом браке Карла д'Эврё, затем Карла II де Валуа, в сопровождении своих детей, которых хлебодар Гюг де Монжё должен был сопровождать из Дижона в Лангр 21 ноября 1357 года [63]; — пожалования ястребов, тетеревятников, соколов; — посылки трюфелей от «Гийома де Ванве, собирателя трюфелей для короля» [64]; — расходы, вызванные знаменитой ярмаркой Бевре, которая с незапамятных времен проводилась каждый год в первый четверг мая [65]; — соглашения и договоренности, заключенные чиновниками бургундского двора во время частной войны между сеньорами де Вьенн и де Верден [66].

Многочисленные упоминания раскрывают нам старинные обычаи, черты нравов, осуждения колдунов, гадателей, заклинателей, отравителей и т. д., которые свидетельствуют о стран-

ной доверчивости сельских жителей в ту эпоху [67]; — денежный выкуп за приговор об отсечении руки [68]; — освобождение преступников, приговоренных к смерти, вследствие согласия девушек взять их в мужья [69]; — изготовление серебряной печати и контр-печати, заказанное счетной палатой для грамот о правах горожан и вольностях жителей улицы Шомон в Шатильоне-на-Сене [70]; — штраф, уплаченный за выкуп и освобождение свиней, приговоренных к смерти за убийство детей, которые их пасли [71]. Полная обработка этих многочисленных регистров позволяет обнаружить имена лиц, входивших в герцогский двор и окружение королевы.

В период, предшествовавший его браку, личность юного герцога Филиппа де Ровра совершенно стерта, и факты, касающиеся его, неинтересны. Скудость казны не позволяла предпринимать большие новые строительные работы, в герцогских резиденциях производились лишь срочные ремонты под управлением Иоанна Доброго и до землетрясения 1356 года.

Пребывание Филиппа де Ровра в замке Дижона во время Великого поста и до июня этого года потребовало некоторых переделок и незначительных расходов [72]. Устройство помещений для чиновников счетной палаты потребовало более серьезных работ, которые длились несколько лет, и подробности которых были приведены в другом месте. — Робер, граф де Руси, губернатор Бургундии, приказал в 1351 году переделать башню замка Бон, верхушка которой «находилась в опасности обрушения», и полностью перекрыть залу, где заседал парламент [73]. В 1355 году там были предприняты другие работы и продолжены в последующие годы, так же как и в Поммар и Вольне [74]. Строительства картезианского монастыря в Боне, начатые при Эде IV, не были закончены и завершались очень медленно, поскольку счета все еще содержат расходы в 1354 году [75]. — В Монбаре переделали каменную кладку портала под башней Лобеспен, камень которой промерз, и деревянные конструкции, балки которых сгнили; потребовалось почти десять тысяч черепиц для покрытия нескольких башен [76]. Следует заметить, что эта прекрасная башня Лобеспен, которой можно еще любоваться и которая сохранила свое название, уже существовала и не была, как говорили, построена при Филиппе Смелом, а при Эде IV, около или до 1340 года.

В 1355 году переделали в Отене башню Риво (В. 2282), — в Семюр-ан-Осуа башню Лурдо (В. 6201), — в Аваллоне ворота и ограды замка (В. 2970), — в Шалоне-на-Соне новую башню (В. 3561), — в Монреале въездные ворота замка и башенку близ донжона (В. 5401), — в Сари большую башню замка (В. 5401), — в Шатель-Жераре стены и зубцы (В. 5402), — в Монсени стены «белля» (В. 2283), — в Шатильоне-на-Сене стены и дом перед башнями (В. 2078), — в Вилье-ле-Дюк и Мезе голубятню, витражи в покоях (В. 6597), — в Эзе множество ремонтных и новых работ (В. 2078—2079), — в Аржии большую башню перед замковой часовней, покой «где спала госпожа королева, когда она спала в Аржии», покой мадемуазель Жанны де Б. (В. 2143 — В. 2146), — в Вержи башню перед замком, башню над воротами и другие стены (В. 6476 — 6478), — в Виллен-ан-Дюэмуа большие стены парка, где находились олени, лани и другие животные (В. 6550 — 6553).

Примечания:

[1] Архив Ду, В. 67.

[2] Счета шателении Бон, Архив Кот-д'Ор, В. 3144.

[3] Акт от 10 июля 1353 г., Архив Ду, В. 67, и Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. XXIII, л. 103.

[4] Архив Кот-д'Ор, счета Диманша де Вителя, В. 1394, л. 38. Сумма расходов составила 28 ливров 8 су, что равно трем с половиной маркам.

[5] Архив Ду, В. 86. В декабре пришлось послать тридцать пять рыцарей и оруженосцев в Безансон, чтобы положить конец этим беспорядкам.

[6] Приказ о доставке этих мраморов от 4 августа, вознаграждение губернатору — от 5-го (Счета Вителя, Архив Кот-д'Ор, В.1394, л. 40, и Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. XXI, л. 2).

[7] Счета шателении Бон, Архив Кот-д'Ор, В. 3144, л. 9, об.

[8] 10 марта 1354 г.; Дом Планше, т. II, пр. 288 и Собрание эдиктов, касающихся Бургундии, т. I, стр. 34—35.

[9] 2 июня 1354 г.; Архив Кот-д'Ор, В. 11.200 и Дом Планше, т. II, пр. 289.

[10] Житель Вильен приговорен к штрафу в четыре флорина за то, что «дурными словами, порицая и презирая монету короля, которая была из экю, сделанных под знаком короля Жана, сказал, что он насрет на эти экю, которые тогда имели хождение» 1355 г. (Счета Пари де ла Жесса, бальи горной области, коллекция Бургундии, т. CVII, л. 182, копия Перара). — Другой частный человек приговорен к четырем флоринам за то, что сказал, будто ему сделали повеление «от имени одного герцога Госпитра» (там же, 1356 г.) [Мы не знаем значения этого оскорбления]. — Перрене из Верре приговорен к штрафу в один флорин за то, что сказал: «лучше быть человеком дьявола, чем герцога», сказав это в гневе из-за слишком большого размера тальи, который на него наложили, 1353 г. (там же, стр. 182). — Бертран де Бенёвр приговорен к пяти флоринам за то, что выхватил меч и щит против сержанта короля (там же, 1354 г.). — Жан Менуар из Семюра приговорен к двум экю за то, что «проклинал тех, кто сделал постановления в герцогстве», 1352 г. (Счета Осуа, Архив Кот-д'Ор, В. 2745). — Виро из Гийона приговорен к шести флоринам «за то, что сказал, что он не сделает для бальи Осуа и для прево Авалона и собачьего дерьма», 1356 г. (Счета Осуа, В. 2747). — Кюре Анну приговорен к шести флоринам за то, что сказал сержанту Шатель-Жерара, «что он не сделает для него из-за его комиссии и дерьма» (там же, В. 2748). — Этьен Дамор из Пизы платит четыре экю за оскорбительные слова в адрес прево Монреала (В. 2745). — Иоланда, жена Жана Юмбера из Шатонефа, приговорена к ста золотым мутонам стоимостью в сто тридцать пять флоринов «за то, что сказала, что монсеньор герцог был дурно научен вводить правосудие в своей стране над дворянами, и что тот, кто проживет, в скором времени в Бургундии увидит, что не будет ни сеньора, ни дамы, ни герцога, ни герцогини, которые были бы так смелы, чтобы сказать слово против дворян, учитывая, что она была проста от природы, говорит охотно, не думая, что говорит, и часто себе во вред, и что она вовсе не знала о заговоре против монсеньора герцога» (Счета Осуа, В. 2748). — Жена мэра Аннео приговорена к двум флоринам «за то, что она запальчиво бросила перед Гио из Семюра, лейтенантом названного бальи, железную котту» (там же, В. 2748). — Гильом Арлю приговорен к четырем флоринам, несмотря на вмешательство сеньора де Куш, за то, что сказал в присутствии Бернара де Преля: «Бог пошлет в плохой год бальи Монсени» (Счета Отенуа, В. 2278). — Гийемо де Вильбер приговорен к восьми экю за то, что сказал Югу Куло, сержанту госпожи: «он ничего не сделает для названного сержанта и для его королевы», 1352 г. (Счета Отенуа, В. 2278). — Готерон де Крё приговорен к одному флорину за то, что сказал сержанту, «что он не сделает для него и дерьма», 1358 г. (Счета Отенуа, В. 2283). — Югенин Фово, некогда шателен Юшона, платит восемь экю за то, что позволил себе отобрать жезл у сержанта (Счета Отенуа, В. 2278). — Жан Лакуль, священник, приговорен к шести экю за то, что ударил сержанта (там же, В. 2278). — Филибер де Тенарр, оруженосец, поднявший руку на Ансо Корневена, лейтенанта Гильома де Блезе, бальи Шалона, Отена и Монсени, в 1353 г., приговорен к уплате двадцати флоринов флорентийских на горячих ярмарках Шалона (там же, В. 2278). — Матьё из Сент-Элен платит четыре флорина за то, что сказал сержанту: «он не сделает для него, ни для гарнизона и пуговицы» (там же). — Жан Нобло приговорен к четырем флоринам за то, что просто сказал: «Я иду к этому дьяволу бальи», бальи горной области, Пьеру Пари де ла Жессу (Национальная библиотека, коллекция Бургундии, т. CVII, л. 183). — Жан де Бар, оруженосец, Удо, его сын, и Филипп де Жокур «за то, что они напали на дороге на Симона ле Миньола из Праеля, сержанта госпожи

Королевы, которого они избили и отняли у него лошадь, договорились за то, что названные Удо и Филипп еще не имели никакой земли и никакого имущества, и получили за все десять экю» (Счета Осуа, В. 2745).

[11] Разрешение короля Жана датировано Парижем, 5 августа 1354 г. (Архив Нора, В. 840 и Дом Планше, т. II, пр. 291. Пункты проекта датированы Венсеном, 6 августа 1354 г. (Архив Нора, В. 416 и Дом Планше, там же).

[12] Счета Диманша де Вителя. Архив Кот-д'Ор, В. 1397.

[13] Вильены, с 28 июля по 14 августа 1354 г. (Счета Гильома Брансьона (Архив Кот-д'Ор, В. 6552, л. 12 — Монбар и Мезе, в августе (Счета Гильома де Кублана, затем Гийо де Жи, там же, В. 2079, л. 33—34) — Бон, в сентябре (Счета Гильома дю Ме, В. 3144, л. 19) — Аржийи (Счета Гильома де Шивра, В. 2146).

[14] См. расходы, сделанные в доме Жанны Бургундской в Шамбери, Архив Кот-д'Ор, В. 9717 и 9065, свитки.

[15] Архив Кот-д'Ор, В. 7108, свиток.

[16] «Также, в случае, если король и монсеньор дофин ратифицируют и подтвердят вышеописанные вещи своими хорошими и достаточными письмами, монсеньор Савойский обязуется вернуть и передать девицу Бургундскую королю или королеве, или их определенному посланцу в Сен-Лоране де Маконе, чтобы выдать замуж за кого они захотят, за исключением нынешнего дофина, оставаясь дофином, выплатив названному графу Савойскому или его определенному посланцу в названном месте Сен-Лоран сорок тысяч золотых флоринов доброго флорентийского веса. И передача девицы, и уплата сорока тысяч флоринов должны быть произведены в течение месяца после ратификаций, сделанных королем и монсеньором дофином.» (Архив Сардинского королевства в Турине; изд. Дюфура и Рабю, Отказ графа Амедея VI Савойского от брака с принцессой Жанной Бургундской, стр. 23—28). Эти авторы допускают странную хронологическую ошибку, которая искажает факты: они помещают этот документ от ноября 1354 года после документов от 5 января и 30 марта 1354 года (стар. ст.), не принимая во внимание смену года.

[17] Архив Сардинского королевства в Турине (там же, стр. 13—20).

[18] Архив Сардинского королевства в Турине, там же, стр. 24—22, доверенность короля Жана датирована Монтрёй-сюр-Мер, 30 марта 1354 г. (стар. ст.).

[19] См. расходы на пребывание Жанны Б. и ее свиты в Сен-Мартен-ле-Шатель, когда она возвращалась во Францию (Архив Кот-д'Ор, В. 7106, свиток) — Другие расходы на пребывание с разными лицами в Сен-Мартене (В. 9749, свиток) — Расходы Жана де Сент-Амура, Эмона де Шалона и Жана Местраля, советников графа Савойского, и их свиты, в апреле 1355 г., по случаю отправки Жанны Б., включая расходы названной девицы и ее свиты, в Пон-д'Эне (Счета шателении Баже, В. 6781, свиток) — Расходы в Пон-д'Эне, по тому же поводу (Счета шателении Пон-д'Эн, В. 9038, свиток).

[20] Расходы Парламента Бона в понедельник и вторник после дня св. Николая (Счета Бона, Архив Кот-д'Ор, В. 3144, л. 9 об. — Расходы того же Парламента в понедельник и вторник перед днем св. Андрея (там же, В. 3145, л. 9) — Лица, присутствовавшие там: аббаты Сито и Фонтене, Жан де Во, аббат Сен-Этьена в Дижоне, Жеоффруа де Шарни, Оливье де Лай, сеньор де Соложон, губернатор герцогства, Юг де Монтагю, сеньор де Куш, Жеоффруа де Блезе, главный лесничий Б., Жирар де Тюре, маршал Б., Юг де Монжё, гофмейстер герцога, Гильом де Ресе и Этьен де Мюзиньи, гофмейстеры герцога, Юг де Версель, бальи Шалона, шателен Кюизри и Сажи, Бернар де Нёвиль, бальи Отена и Монсени, Симон де Понтобер, бальи Дижонэ, Филибер Паяр, бальи Осуа, Робер де Люньи, канцлер Б. и казначей Шалона, приор Сен-Симфорьена д'Отен, Робер де Шамийи, приор Тизи, аудиторы Бона, От де Дамьер, клерк и советник короля, Робер де Дольт, архидиакон Салена, Ансо де Сален, архидиакон Бассиньи, Жан дю Поте, прокурор в бальяже Дижона, Жан Розье, прокурор короля в Шалоне, Юмбер

Ренар, прокурор короля в Отене, Мишель де Потьер, прокурор бальяжа горной области, Ришар де Корсель, советник короля в бальяже Дижонэ, Гильом де Перилё, советник короля в бальяже Шалона, Гильом де Л'Этан, советник короля в том же месте, Ги Рабби, клерк счетов и Диманш де Витель, генеральный сборщик (Счета Вителя, В. 1397).

[21] Счета Вителя, Архив Кот-д'Ор, В. 1399, л. 49.

[22] Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. XXV, л. 22, об. — Жан, сеньор де Рэ, рыцарь, Гильом де Вержи, сеньор де Мирбо, и губернатор также созвали дворян графства Бургундии.

[23] Счета Вителя, Архив Кот-д'Ор, В. 1399, л. 50; письма сеньорам Мон-Сен-Жан, Шатонеф, Эпуасс, Фролуа, Фуван, Сеннесе, Куш и др.

[24] Смотры или сборы, состоявшиеся в Шатильоне 10 июля, это смотры Жирара де Тюре, маршала, Филиппа де Вьенна, сеньора де Пимон, Гильома де Мариньи, Жана де Шалона, Миля де Фролуа, Юга де Понтайе, Этьена де Мюзины, Гильома д'Эгремон, сеньоров де Монтагю, Сомбернон, Мон-Сен-Жан, Монжё, Монперу, Ларре, Бурбон, Грансе, Шапп, Мело, Божё-сюр-Сон, Фосиньи, Люзи, Грансон, Пем, Шодене, Сартр, Бруас, Во-де-Люньи, Жиссе, Жанли, Бэр (Проспер Боэн, Записки по истории Бургундии, 2 тт. in-f°, рукописи нашего кабинета, т. I, стр. 188).

[25] Собрание состоялось «в среду в день двадцати дней Рождества» (Счета Вителя, В. 1401, л. 5), а не через два дня после Рождества, как говорит дом Планше и те, кто следовал за ним. См. списки вызовов на эту дату у Пенседе, т. XVIII, стр. 6—7, и Коллекция Бургундии, т. XXIV, л. 29, об.

[26] Созыв в Дижон в день октавы Сретения, во вторник 9 февраля 1356 г., «для обложения габелью, требуемой королем» (Счета Вителя, В. 1401, л. 52). Также имеются вызовы, адресованные сеньорам графства, Жаку де Вьенну, сеньору де Лонви, Югу де Вьенну, сеньору де Сен-Жорж, его племяннику, и Филиппу де Вьенну, сеньору де Пимон (См. Эд. Клерк, Очерк Франш-Конте, т. II, стр. 105).

[27] Королева писала напрямую пятнадцати значительным лицам бальяжа Шалона (Счета Юга де Верселя, В. 3561).

[28] Среда 10 февраля 1356 г.; Собрание Пенседе, т. XVIII, стр. 7.

[29] Счета Диманша де Вителя, В. 1401, л. 51. Имеются некоторые вызовы, адресованные участникам собрания, Милю де Фролуа, Гишару де Божё и др.; Национальная библиотека, Коллекция Бургундии, т. XXIV, л. 14 об. и 65 об.

[30] Счета Вителя, В. 1401, л. 52.

[31] Жан Розье был на собраниях в Париже и Сансе «у короля, чтобы иметь обсуждение и совет по габели». Счета Шалона-на-Соне, В. 3561.

[32] Счета Осуа, В. 2747. См. также счета Вителя, В. 1401, л. 54 и коллекция Бургундии, т. XVIII, стр. 7 и т. XXV, стр. 4.

[33] Счет Шатийонэ, коллекция Бургундии, т. CVII, л. 183. — Счета Шатийонэ, там же. — Стоит отметить, что налог уже был собран в 1354 году, во время проекта брака Филиппа.

[34] Счета Диманша де Вителя, В. 4401, л. 53.

[35] Счета Гильома де Жюлли, бальи Осуа, В. 2747.

[36] Граф Анри де Монбельяр был назначен императорским викарием в графстве в 1355 году, но 1 мая 1356 года Карл IV запретил любое вмешательство в эту провинцию, «ввиду светлейшей королевы Франции» (Эд. Клерк, Очерк истории Франш-Конте, т. II, стр. 105, по рукописям Шиффле).

[37] Счета Диманша де Вителя, В. 4399, л. 40.

[38] Счета Вителя, В. 4401, л. 51.

[39] См. счета Вителя, В. 1401, л. 54 и след. — Эд. Клерк, Очерк Франш-Конте, т. II, стр. 105. — Россиньоль, История Бона, стр. 218, и особенно Проспер Боэн, Записки по истории Бургундии, рукописи нашего кабинета, т. I, стр. 188—189.

[40] Национальный Архив, JJ. 84, №462.

[41] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2748.

[42] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2748.

[43] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2747.

[44] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2749.

[45] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2748.

[46] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2747.

[47] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2746.

[48] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2746.

[49] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2747.

[50] Счета Осуа, Гильома де Клюньи, В. 2745.

[51] Счета Отенуа, представленные Гильомом де Блезе, В. 2278.

[52] Счета Пьера Пари де ла Жесса, бальи горной области, Коллекция Бургундии, т. CVII, л. 183.

[53] Счета бальяжа горной области, Коллекция Бургундии, т. CVII, л. 183.

[54] Счета бальяжа горной области, Коллекция Бургундии, т. CVII, л. 183.

[55] Счета Пари де ла Жесса, бальи горной области; Коллекция Бургундии, т. CVII, л. 184.

[56] Счета Осуа, В. 2745 и 2746.

[57] Счета Осуа, В. 2750.

[58] Счета Осуа, В. 2747.

[59] Счета Отенуа, представленные Югом де Бруасом, В. 2285.

[60] Счета Осуа, В. 2747.

[61] Май и июль 1354 г.; счета Бона, В. 3144, л. 23 об.

[62] 19 января 1353 г. счета Гийо де Жи, шателена Вилье-ле-Дюк и Мезе, В. 6597, л. 6.

[63] Счета Вителя, В. 1401, л. 40.

[64] Счета Вилье и Мезе, в 1354 г.; В. 6598, л. 4. Другие упоминания в 1358 г.

[65] Счета Бернара де Нёвиля, бальи Отена, В. 2279, без листов.

[66] Счета Бона, в 1351 г.; В. 3140, л. 11 об.

[67] Счета Осуа, Симона де Понтобера, В. 2745.

[68] Счета Шатийонэ, коллекция Бургундии, т. 407, л. 183.

[69] Счета Осуа, В. 2745.

[70] Счета Пари де ла Жесса, бальи горной области, 1352—1353; Коллекция Бургундии, т. CVII, л. 182.

[71] Счета Осуа, В. 2745, В. 2750.

[72] Подробности можно увидеть в счетах Диманша де Вителя, В. 1404, л. 17—39.

[73] Счета Бона, В. 3140, л. 14 и 12.

[74] Счета шателении Бон, В. 3146, л. 16 и 17 и В. 3147.

[75] Счета Диманша де Вителя, В. 1397, л. 55.

[76] Счета Жеоффруа де Блезе, шателена Монбара, В. 5305, л. 21, об.; счета Гильома Брокара, В. 5306, л. 4, годы 1354—1355.

Глава LVIII. — Битва при Пуатье и ее последствия (июль 1356 — декабрь 1357 гг.)

Созыв феодалов и провинциальных ополчений. — Битва при Пуатье; многочисленные бургундцы убиты, ранены или взяты в плен. — Освобождение коммун для выплаты выкупов. — Ужас в Бургундии при известии о катастрофе. — Губернатор герцогства, лечащийся от ран в Труа. — Жак де Вьенн, сеньор де Лонви, назначен генеральным капитаном. — Землетрясение, разрушения и бедствия, вызванные этим событием, в Базеле, Безансоне, Дижоне, Аваллоне, Монбаре, Монреале и т.д., атмосферные явления во время и после землетрясения. — Возобновление военных действий франш-контезскими конфедератами; союз с Англией. — Недовольство населения сеньорами; суровость наказаний за неподобающие высказывания в отношении власти. — Собрание депутатов от трех сословий в Дижоне. — Принесение оммажей в графстве; герцог в Гра, Монмирэ, Доле, Салене, Полиньи и т.д. — Тибо де Нёфшатель, хранитель графства. — Собрание трех сословий в Боне, затем в Дижоне. — Депутаты делегируют свои полномочия председателям, заседающим постоянно. — Договор о браке между герцогом Филиппом де Ровром и Маргаритой Фландрской. — Приданое жениха и невесты. — Займы на празднества и церемонии виртуального брака. — Королева и герцог в Артуа; прибытие и прием в Аррасе; подарки по этому случаю. — Тревожные слухи в Бургундии и угрожающие приготовления графа Савойского против Кюизри. — Возвращение герцога Бургундского. — Пребывание королевы в Мо. — Меры и приказы по вооружению и защите крепостей. — Прибытие королевы в Жюлли-сюр-Сарс. — Признание прав герцога на охрану города Безансона; герцог и королева в Безансоне. — Интриги Тибо де Шоффура в Лангрском диоцезе. — Замок Гратедо. — Экспедиция Гильома д'Антюи, бальи д'Амон. — Усмирение и повторный захват Гратедо. — Благодарности и письма королевы Гильому д'Антюи. — Собрание парламента в Боне. — Меры по отражению угрозы вторжения. — Планы созыва трех сословий в Дижоне.

Созыв бургундских феодалов в составе знати и оруженосцев, призыв провинциальных ополчений, включавших мужчин от восемнадцати до шестидесяти лет, дали значительный контингент, но больший по количеству, чем по качеству. Войска, вызванные в Шатильон-сюр-Сен и Бон, прошедшие смотр на «смотре», которые проходили с 10 июля 1356 года до середины августа, состояли из людей разного возраста, пеших или конных, снабженных оружием всякого рода, обремененных бесконечной вереницей повозок, багажа и кляч [1], не имели ни единообразия, ни сплоченности. Эта слабо дисциплинированная масса войск включала слишком много «сброда» (*ribeaudaille*), если воспользоваться выражением, употребленным Филиппом Валуа при Креси, и не должна была преуспеть больше при Пуатье. Жан Добрый, столь доблестный как солдат, но столь неискусный как полководец, не обладал никакими из качеств, необходимых для использования всех сил, которыми он располагал.

Не нужно вдаваться в подробности этой кампании, но мы должны зафиксировать имена основных бургундских персонажей, ставших жертвами этой войны, убитых или взятых в плен в этом злосчастном походе, и многие из этих имен появятся здесь впервые.

Губернатор герцогства Жан де Нуайе, граф де Жуаньи, в стычке, произошедшей накануне битвы, был тяжело ранен и взят в плен Эташем д'Обешикуром и другими, но его раны были столь серьезны, что он был отпущен под честное слово, с обещанием вернуться в плен после выздоровления. В этой первой схватке было убито или взято в плен около двухсот сорока французов [2].

В понедельник 19 сентября, день генерального сражения, Жеффруа де Шарни, знаменосец Франции, храбро погиб, не желая покидать королевское знамя, которое он прикрывал своим телом [3]. Жан де Шатовилен, последний мужской потомок сеньоров этого знатного

дома, Гильом де Дисы [4], Робер де Флавины, по прозвищу Кривой [5], Гильом де Дигуан и его сын, Гишар де Божё, Ги Безор, сеньор де Вильярну в Аваллонэ [6], Жан де Ланда, рыцарь, были в числе убитых.

Среди пленных числились Миль, сеньор де Нуайе и де Монкорне, племянник губернатора Бургундии; Тома де Вудене, один из знатных рыцарей герцогства, лейтенант маршалов Франции, столь часто упоминаемый в наших документах [7]; сеньор де Бофремон [8]; Жан де Бонкур, оруженосец, виночерпий герцога [9]; знаменитый Арно де Серволь, Архипресвитер, которого позднее союз с сестрой и наследницей Жана де Шатовиллена должен был связать с нашей провинцией [10]; Жан де Шанпле, сеньор де Шармуа; Ги де Валери [11]; сеньор де Со-Ванту [12]; Гильом де Мелен, архиепископ Санса и его брат Жан, граф де Танкарвиль; От де Кромри, рыцарь [13]; граф Осера и губернатор этого города, Ги де Рошфор, оруженосец Жана де Шалона [14]; Гильом де Во, который получил от герцога сто золотых «за свое освобождение из плена под Пуатье» [15]; Жак, сеньор де Серан, конюший регента [16]; Гильом де Ресе, сеньор де Монтины-сюр-Об, камергер и дворецкий Филиппа де Ровра, которому была назначена пенсия в компенсацию за его выкуп [17]; Ришар Моншарве из Бона [18].

Другие рыцари, сначала взятые в плен, сумели бежать, как Тибо де Нёфшатель, Филипп де Савуази, Удар де Ранти [19].

Число пленных было столь значительно, что англичане отпустили почти всех под честное слово, за выкуп, который пленники обязались выплатить в короткий срок. Графу де Жуаньи пришлось отправиться в Труа, чтобы лечиться от своих ран. Миль, сеньор де Нуайе, обещал выплатить в Бордо крупную сумму, которую он смог собрать лишь с помощью вассалов, посредством займов, взятых повсюду, и вольностей, предоставленных коммуна и частным лицам. Его лошади, его повозки и его багаж остались в руках врага. Он был вынужден выкупить за двести пятьдесят ливров свой богатый пояс весом в двенадцать марок и заплатить за алые платья тем, кто его взял в плен [20].

Жану де Шанпле регент разрешил освободить его людей из Шармуа, Эпино-ле-Вов и Бассу, чтобы выплатить свой выкуп; затем, поскольку этих вольностей было недостаточно для уплаты долгов, взятых по этому случаю, он продал свои земли в Шармуа капитулу Осера [21]. Многие местности получили в ту эпоху и по тем же мотивам хартии вольностей, пожалованные сеньорами. Гюг де Мезон-Конт, аббат Везле, вернул себе свободу лишь заплатив крупный выкуп за себя и за пятнадцать всадников своей свиты, которые сопровождали его [22].

Любопытное письмо о помиловании, предоставленное Карлом V [23] по просьбе Либо де Бофремона и Филибера, его сына, показывает, к каким странным уловкам сеньоры иногда были вынуждены прибегать, чтобы возместить свои потери. Король заявляет, что эти рыцари «хорошо и верно служили нашему очень дорогому сеньору и отцу, да упокоится Бог его душой, и нам также в наших войнах, во многих и различных местах, и среди прочих в битве при Пуатье, в которой названный Либо был взят в плен и там потерял все свое вооружение, своих лошадей и мулов, которые стоили по меньшей мере сумму в 6000 флоринов и более, и сверх того был обложен очень непомерным выкупом». Не имея возможности выплатить требуемые с него суммы, Либо был вынужден отчуждать владения, затем, поскольку эти продажи не могли покрыть всех расходов и никакая компенсация или возмещение ему не помогали, он решил сам вершить правосудие, ограбив по возвращении с шалонской ярмарки купцов, у которых он вымогал тысячу флоринов, совершая набеги на окрестности Шомона в Бассеньи, жителей которого он обкладывал данью и угонял скот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.